

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ХУЛИГАНСКОЕ ФЭНТЕЗИ

ВЕЛИКОЕ НЕЧТО

Дмитрий Емец

Великое Нечто

«Емец Д. А.»

Емец Д. А.

Великое Нечто / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,

Вот это парочка бодро шествует по Москве! Хорошо замаскировались! Ни полосатый халат и лихая тюбетейка на дедушке, ни белое свадебное платье на девушке – ничто не выдавало в них инопланетных пришельцев. Однако взгляды прохожих почему-то то и дело останавливались на них... Отыскать Великое Нечто, от которого неизвестно чего ждать, но найти которое непременно нужно вымирающей цивилизации мрыгов, – вот цель их визита на планету Земля. И накрылась бы эта миссия большим медным тазиком, но за дело взялись серьезные земные парни – Никита и Алексей. Ребята тоже оказались не промах. Правда, у них была своя, вполне земная и весьма корыстная заморочка...

© Емец Д. А.

© Емец Д. А.

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	9
Глава IV	12
Глава V	20
Глава VI	30
Глава VII	34
Глава VIII	44
Глава IX	49
Глава X	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дмитрий Емец

Великое Нечто

Глава I

Пришельцы

– Ну и упрямая ты девчонка! Зачем тебе лететь на эту нецивилизованную планету? – Грзенк возмущенно растекся по рубке звездолета. – Они безобразные, дышат чудовищной смесью газов, а внутри у них, только вообрази, твердые кальциевые образования, которые они называют скелетом!

– Да, возможно, они мерзкие. Но сколько раз тебе повторять, папа: я хочу их изучать! ХОЧУ! – Студенистое хорошенькое тело юной Лирды покачивалось на виброшупальцах. Спина у нее пульсировала красным, что всегда происходило, когда Лирда раз за разом должна была повторять отцу одно и то же.

Грзенк печально собрался в шар, испуская Д-волны. Похоже, в глубине души он уже свыкся с мыслью, что его единственная дочь всерьез собралась связать свою судьбу с этой дикой планетой. Недаром Лирда родилась под знаком повышенного упрямства в сто первый цикл после вспышки сверхновой! И угораздило же его жену отложить яйцеплазму именно в этот год!

Но Грзенк все еще не терял надежды отговорить дочь. И именно поэтому он выложил теперь свой главный козырь:

– Ты только подумай, Лирда: Земля – планета жестких форм. Планета идиотского постоянства во внешнем облике всех существ, ее населяющих! Тебе будет трудно все время сохранять одну форму!

– Не беспокойся, папа, я тренировалась. Я смогу удерживать ее не менее десяти лунных месяцев, – заявила Лирда, выражая насмешку использованием сразу двух верхних мыследиапазонов.

Сдаваясь, Грзенк втянул в себя все виброшупальца:

– Вся в мать! Может, хоть скажешь, какую форму ты выбрала? Надеюсь, не самую неудачную?

– Что ты, папулечка! Ты же знаешь, я у тебя умница! – обиделась Лирда. – Эта форма наиболее подходит для изучения жителей этой планеты. Я долго определялась, пока не нашла точные параметры в одном из их журналов. Вот, взгляни.

Лирда скаталась в шар, провела перестройку составлявшей ее универсальной материи, – и в рубке звездолета чуть правее навигатора возникла обнаженная девушка. У нее были длинные ноги, совершенной формы живот, груди с чуть вздернутыми сосками, прекрасная шея, большие голубые глаза и мягкие пухлые губы – типичная красавица с журнальной обложки.

– Ну как? Правда, ничего?

Лирда сделала несколько шагов и чуть присела, демонстрируя Грзенку, как гнутся ее колени. Тот от омерзения передернулся, выпустив сразу два фонтанчика слизи.

– И это ты называешь «ничего»? Кошмарно! Отвратительно! Никогда не предполагал, что жители этой планеты так уродливы. Если меня не стошнило, то лишь потому, что я вовремя сублимировал.

– Это самка. – Лирда с интересом оглядела свое новое тело. – Самцы на этой планете выглядят иначе. Иное расположение выпуклостей, загадочные наросты, волосяные луковицы на том месте, которое они называют «физиономией», и все такое прочее... Вначале я соби-

ралась превратиться в самца, но потом подумала, что женская форма больше подходит для исследований. Она не вызывает агрессии и располагает к откровенности.

– О космос! О непредсказуемая вечность! Трудно поверить, что именно с этой планетой связана тайна Великого Нечто! – воскликнул Грзенк. – Будь осторожна, дочка, молю тебя! Там тебя может подстергать опасность!

Лирда фыркнула:

– Великое Нечто? Да вы с дедом на нем помешались! Всякому понятно, что это всего лишь глупая легенда. Я, кстати, пыталась докопаться до ее источников, но безуспешно. В легенде точно не сказано, что это за Великое Нечто, как оно выглядит и где его искать.

– Пусть так, но все равно будь начеку! – хмуро повторил Грзенк.

– Не волнуйся, я хорошо подготовлена. Чао, папуля!

Дразняще вильнув бедрами (Грзенк поспешил поскорее субмутировать), Лирда зашла в кабинку телепортатора и приготовилась отдать мысленный приказ.

– погоди! – спохватился Грзенк. – Скажи хотя бы, в какую часть планеты ты собираешься переместиться? Где мне тебя искать?

– А... Ты все об этом? Они называют этот город Москвой. Я телепортируюсь прямо в центр, чтобы немедленно начать исследования. Ну пока, папуля, я буду выходить с тобой на связь как можно чаще! – Лирда помахала отцу рукой, послала воздушный поцелуй и исчезла.

А Грзенк свернулся в шар и задумался. Его грызло беспокойство. Пусть Великое Нечто – это только смутная легенда, но ни одна легенда не возникает на пустом месте. И зачем жена отложила яйцеплазму в неблагоприятный год? Вот что случается, когда не примешь во внимание гороскоп.

Глава II

Встреча

Крестообразная тень зацепила потолок. Машина давно уже промчалась и гул мотора затих, а тень все еще висела над комнатой. Алексей Корсаков, тридцатилетний преподаватель Петербургского университета, хотел уже повернуться на другой бок, но в этот момент заверещал телефон.

– Алло! Леша, Леха, ты слышишь меня? Это Федор Громов. Ты можешь приехать? Срочно!

Корсаков окончательно проснулся. Когда старый приятель молчит три года, а потом будит среди ночи, для этого должен быть повод.

– Могу, да... Но что стряслось?

– Не могу сказать. Ты точно приедешь? – В голосе Федора звучала несвойственная ему настойчивость. – Я сейчас на даче. Ты помнишь, как ко мне добираться?

– Да, но...

– Тут творится какая-то чертовщина... Прошу тебя, не оставляй меня... Он опять здесь... Если ты не... А, черт!.. Вот опять...

Трубка загудела. Больше Федор не перезванивал. Его московский номер тоже не отвечал, а сотового у него не было. Да и вообще трудно было представить себе Громова с сотовым – Федор был из породы романтиков: борода, рюкзак, байдарочное весло... Отстал от жизни лет на тридцать или опередил ее лет на тридцать – какая разница?..

Корсаков вернулся в постель и хотел заснуть, но сон не приходил. Нет, нельзя не поехать – свинство будет. И ехать неохота. Он начал маяться, испытывать смутное беспокойство и, хотя оно еще не приняло четких форм, уже понял, что не усидит на месте и обязательно сорвется в Москву. К тому же если и ехать, то только теперь. Более удачного времени не найти. Сейчас лето, занятий в университете нет, правда, он должен принимать вступительные экзамены, но, если постараться, можно отпроситься.

Для того чтобы срочно уехать, была и другая причина. Связь Алексея с его последней подругой Людмилой переживала стадию затянувшейся агонии: бесконечные, ни к чему не приводящие выяснения отношений, взаимное раздражение, досада, ощущение глухого тупика. Даже близость уже не сглаживала, а только все портила. До загса так и не доехали, мимо любви проехали. Короче, врубай заднюю передачу.

– Ну что, сестры? В Москву! – сказал он сам себе.

Днем он уладил все дела, позвонил Людмиле и сказал, что у его друга неприятности. Она поверила или сделала вид, что поверила, – никогда нельзя было понять ее полутонов. Перед поездом Корсаков еще заскочил к матери на Невский, отдал ее кошку соседке и составил все цветы в таз с водой. Мать должна была вернуться из Ялты через двадцать дней, за это время кошка авось не околеет и цветы как-нибудь протянут.

На другой день, пересев с петербургского поезда на пригородную московскую электричку (скачок с Ленинградского вокзала на Белорусский), он был уже на Фединой даче под Бородином.

«Столярный переулок, дом 8».

Жестяная табличка на заборе все та же. Пять лет для жести пустяковый срок, для памяти тоже. Он толкнул калитку. И сразу увидел пепелище. Почему-то мелькнула мысль, что запах костра и гари – два совсем разных запаха. Гарь пахнет кисло, скверно пахнет. Дом смахивал

на вдавленный молочный пакет. Первый этаж – кирпичный – еще стоял, второй – деревянный – обвалился внутрь.

У соседки, бабы Даши, он узнал, что вчера утром (то есть всего через несколько часов после звонка) взорвались газовые баллоны, которые хозяин хранил около печки. («То ли выпил, то ли еще что».) Федя погиб, обгорел, и тело уже увезли.

– А че было ценного, пожарники поперли... Да и кто уследит – бегают все, орут... А что, калитка-то открыта была? – спросила соседка, поглядывая на Корсакова ласковыми и одновременно подозрительными глазами.

– Открыта.

– Значит, мальчишки пломбу сорвали, она опечатана была, и веревочка вроде такая натянута... – Баба Даша вытерла платочком глаза. – Федька-то молодой был совсем. Поздоровается всегда... А теперь вон у меня ползабора пожарная машина обвалила, а платить-то уж и некому...

Через выбитую пожарными дверь Федор прошел в дом. Соседка неотлучно маячила у него за спиной. Диван, на столе рыба на газете, нож, в углу удочки, на полке магнитофон, белосиний, любительски разрисованный бок печи – занятная порнографическая вариация на тему туриста и русалки. Федор не менялся, и вещи вокруг него были все те же.

– Вот туточки он и лежал... Пожарники к нему и подходить побрезговали... Потушить потушили – и зови, бабка, кого положено, а мы поедем... Ну мы давай звонить... Смерть-то уж нелепая больно... Молоко у меня каждую неделю брал... Ты-то кто ему будешь? Не брат его двоюродный? Не знаешь, дом-то они восстанавливать будут или так продадут?

Алексей заглянул на веранду. На столе лежала потрепанная общая тетрадь с переплетом-пружинкой. Еще некоторое время поговорив с соседкой, он спросил, когда электричка, и стал прощаться.

Уже у самых дверей он вспомнил вдруг, что забыл на веранде сумку. Возвращаясь за ней, Корсаков быстро схватил тетрадь и сунул ее под рубашку.

Дневник Федора Громова он узнал бы из сотни похожих.

Глава III

Недремлющий страж

Лирда специально настроила телепортатор на возвышенное место, чтобы при материализации не оказаться внутри бетонной стены или на шоссе перед мчащейся машиной. В этом отношении памятник Юрию Долгорукому вполне подходил, на нем стопроцентно никого не было, кроме голубей, испуганно разлетевшихся, когда на коне перед московским князем появилась обнаженная девушка.

Лирда встала во весь рост и, для устойчивости положив руку на гриву, с интересом осмотрелась. Планета Земля, культуру и психологию жителей которой она так долго изучала, простиралась под ней.

– Ну вот я и прилетела! – довольно сказала она князю Юрию. Тот, поглощенный подглядыванием в окна бывшего особняка московского генерал-губернатора, промолчал.

Был один из первых дней июля. По Тверской с гулом и потрескиванием искр на проводах проезжали троллейбусы, а у киосков с прохладительными напитками толпились аборигены и аборигенки. На их телах были разноцветные полоски материи, которые, как объяснял справочник первобытных планет, служили для защиты от солнца или холода, а также для определения социального статуса при внутриплеменном общении.

– Эге-гей! – крикнула Лирда, осваивая голосовые связки.

Один из молодых самцов в потертых джинсах, проходящий мимо памятника, поднял голову и, увидев Лирду, так на нее засмотрелся, что ударился коленкой об урну. На лице у молодого человека расплылась глупая улыбка. Проанализировав его эмоциональное состояние, Лирда, к своему удовольствию, убедилась, что самцы на этой планете относятся к ней без выраженной агрессии. Это лишний раз доказало ей, что выбранная форма вполне подходит для установления доверительных отношений.

Зато в одной из пожилых самок в очках с толстыми стеклами, которая остановилась, чтобы показать внуку памятник, Лирда пробудила сильную неприязнь, выразившуюся в длинном потоке звуков. Инопланетянка проанализировала эти звуки, произвела их фонемное и смысловое членение и убедилась, что они относятся к одному из наиболее развитых синтетических языков этой планеты, а именно к тому, о котором в космическом справочнике было написано, что он «великий и могучий».

Маленький мальчик, стоявший рядом с аборигенкой, засунув палец в рот и склонив голову набок, рассматривал обнаженную девушку со сдержанным любопытством юного натуралиста. Лирда помахала ему рукой, чем вызвала новый поток звуков приутихшей уже было самки.

Не желая так скоро покидать свой отличный наблюдательный пункт, она переместилась на седло позади князя и свесила ноги.

Привлеченные неожиданным зрелищем, возле памятника останавливались все новые и новые аборигены. Вскоре их собралась уже целая толпа. В ней были представители не только расы, живущей на этой части планеты, но также и других рас, непрерывно щелкавшие фотоаппаратами и жующие резинку. Лирда вспомнила, что стада этих жвачных называются туристами.

Лирда старалась запечатлеть эмоциональные состояния аборигенов, которые потом пригодились бы ей при составлении отчета. Со стороны самцов проявлялось в основном любопытство и сексуальный интерес, частично блокировавший их мыслительные способности и заставлявший их нижние челюсти отвисать на манер почтового ящика; чувства же самок, как заметила Лирда, были более разнообразными и менее доброжелательными.

Хотя наблюдения были интересными, Лирде не нравилось, что она привлекает к себе так много внимания. Она едва успевала фиксировать реакцию аборигенов:

- Простите! Здесь для журнала фотографируют?
- Я не могу на это смотреть! Я от омерзения передергиваюсь!
- Так не смотрите!
- Я не могу не смотреть!
- Спускайся, красотка! За чем так высоко залезла? Съездим в ресторан!
- Хоть стыд-то ладонью прикрой! Психопатка!

Удивленная Лирда хотела втянуть все щупальца, но вовремя спохватилась, что эта форма ими не располагает. Подключив энциклопедическую память, она поняла причину столь странного отношения к ней аборигенов. Причина эта оказалась более чем прозаичной и заключалась в отсутствии на ее теле полосок материи, называемых одеждой. «Бедняг беспокоит, что они не могут точно определить мой социальный статус!» – решила Лирда. Ей стало совестно.

Казалось бы, одежда – пустяк, но нужно было это предусмотреть. Космические исследователи чаще всего и сгорают на пустяках. Вспомнить хоть нашумевший случай на планете Кмурк, когда исследователь погиб из-за того, что при наступлении периода дождей не закончил линьку, чем вызвал гнев других особей.

Лирда решила затеряться в толпе и поскорее раздобыть предписываемые обычаем одежды. Сказано – сделано. Девушка ловко соскочила с памятника, оставив Юрия Долгорукого лишь в обществе его коня, и приземлилась на асфальте посреди расступившейся толпы.

- Во дает! Видали, с какой высоты сиганула! – крикнул кто-то.

Не теряя времени, Лирда побежала вдоль Тверской в сторону Белорусского вокзала. Почти сразу рядом с ней притормозил черный джип «Чероки» с подмосковными номерами. Дверца открылась.

- Подвезти?

Лирда остановилась и увидела в машине двух атлетически сложенных самцов, которые алчно разглядывали ее. У одного, сидевшего рядом с водителем, был перебит нос, а все верхние зубы были железные.

- Иди сюда, а то менты нагрянут! – Самец с перебитым носом схватил Лирду за запястье и потянул ее в машину.

Едва Лирда оказалась в салоне, как джип резко рванул с места и, подрезав «жигуленка», затерялся в несчетном стаде московских машин...

Тем временем на звездолете, вращающемся по орбите Плутона, Грзенк не находил себе места. Он опасался, как бы его взбалмошная дочка не наделала глупостей. Аборигены этой примитивной планеты могут оказаться опасными, вдруг они что-нибудь заподозрят и схватят ее? В некоторых мирах исследователей принимали за шпионов. Конечно, Лирда неглупа, но она совершенно не знает местных обычаев и слишком любит рисковать.

Прошло уже несколько часов, а от нее не поступало никаких известий. Грзенк беспокойно ползал по рубке звездолета из угла в угол. Он должен непременно предпринять что-нибудь, чтобы сделать пребывание своей девочки на Земле безопасным.

- Не хотелось мне этого, но другого выхода нет. – Грзенк выпустил все восемь щупалец и направился в грузовой отсек.

Там в плотно закрытом контейнере с надписью «Опасно! Использовать только в случае крайней необходимости!» дождался своего часа кнорс. Грзенк открыл бронированный люк и отключил механизм, нагнетавший в контейнер влажный туман.

- Ты будешь охранять мою дочь! – приказал он, убедившись, что чудовище проснулось.

Кнорс уставился на Грзенка пустыми, но всевидящими глазницами, сквозь которые просвечивала стена трюма. Кнорс был похож на тень. У него не было тела, не имелось лап и клыков, но даже это не делало его менее опасным.

Чудовище неподвижно висело над полом, и Грзенк почувствовал, что кнорс ждет от него уточнений.

– Э-э... Что уставился? Оберегай ее любой ценой! Слышишь? – сказал он и тотчас пожалел, что выразился так определенно.

Но было уже поздно: отсек опустел. Кнорс исчез. А еще через некоторое время Грзенк обнаружил, что неверно выставил координаты на телепортаторе и вместо Москвы переместил кнорса куда-то в район Панамского залива.

Беспокойный папочка взрослой дочери пришел в ужас. Кнорсы верны, но не до конца разумны и очень жестоки, поэтому их применение ограничено Галактическим законодательством. Не обнаружив на месте телепортации Лирды, кнорс может решить, будто она уничтожена аборигенами, и перейти в режим глобальной мести, что крайне нежелательно.

Пока еще не стало слишком поздно, Грзенк вошел в мысленную связь со своими умершими предками, обращаясь к ним за советом. И как же он не догадался проверить настройку телепортатора!

Наконец с помощью прадедушки Бнурга, обладавшего целым рядом сверхспособностей, Грзенк нашарил в пространстве слабый сигнал мозга кнорса. Осторожно, чтобы не потревожить хищника, Грзенк вошел в его сознание и посмотрел на мир его глазами.

Перевернутым контурным взглядом чудовища он увидел синеватую поверхность залива, скрытую облаками. Кое-где в разрывах между тучами белели точки яхт.

Неожиданно совсем близко появился маленький частный самолет. Мелькнул оранжевый шлем летчика.

Кнорс мгновенно вытянулся в узкую тонкую полоску.

– Нет! – крикнул Грзенк. – Стоп! Не трогай его!

Но кнорс уже ударил самолет молекулярным лучом... Охая, Грзенк задал ему новые координаты.

Если бы не желание оградить дочку от опасности, он ни за что бы не выпустил это чудовище из контейнера.

Глава IV

Архив купца Ручникова

(Из дневника Федора Громова)

23 июня

Страх – какое-то паучье слово!

Сегодня я задумался и обнаружил, что ВСЕ чувства и ВСЕ поступки человеческие определяются исключительно страхом и отношением к страху. Ни одно другое чувство не имеет над нами такой власти.

Вся якобы богатая гамма человеческих чувств и эмоций может быть объяснена через страх. Какие там чувства есть? Любовь? Страх перед одиночеством и слегка инстинкт продолжения рода. Беспокойство... Страх перед чем-то неопределенным.

Печаль... Страх перед возможной утратой или (если утрата уже состоялась) страх, что ты не простишь себе чего-то, что уже нельзя исправить. Гнев? Желание уничтожить иди подавить источник страха. Жадность? Патологический страх бедности. Что там еще осталось из чувств? Неважно! Даже чувство наслаждения прекрасным – по большому счету страх перед действительностью и желание уйти от нее, запереться в своем маленьком панцире, заполнить его красивыми и изящными вещами.

Думаю, что АД, если он существует, – это абсолютный страх. Я уверен, что там нет никаких сковородок, крючьев и смолы. Да и зачем? Там только чернота, пустота, ощущение беспомощности и страх, страх и страх.

Любая тирания, любые государственные жестокости, любые Иваны Грозные, любая, даже самая идеальная, власть – это прежде всего власть страха пополам с подхалимством, а не власть идеи. Целая пирамида трусов, которые держат друг друга за руки, чтобы никто не убежал. Это как человек в толпе, который наступает на упавшего, потому что боится сам быть раздавленным. И так будет всегда, любая государственная система будет давить и уничтожать, пока есть трусы и есть страх...

Я большой специалист по страху и всегда с ним боролся, и всегда он меня побеждал. Страх настолько живуч в моей природе, что я сам часто замуровываю себя страхом, как узник в крепостной стене. Все подлости и унижения в моей жизни, вся ложь и все случаи, когда я быстро, не оглядываясь, проходил мимо чужой беды, были вызваны только страхом или опасением, что мой страх будет замечен, то есть опять же страхом.

(Здесь несколько зачеркнутых строк.)

Однажды, когда мне было двенадцать лет, я переводил мою пятилетнюю сестренку через дорогу (не знаю, где были родители и почему они об этом так никогда и не узнали). Она уронила на проезжей части пакет с игрушками. Игрушек было много, и все мелкие: куклы в ванночках, колесики, кубики, пузыречки от лекарств, кошельки с вышедшими из употребления монетками, – и, разумеется, вся эта дребедень раскатилась по дороге.

Сестра, не веря такому вселенскому горю, выдернула свою руку из моей и с громким ревом стала собирать своих пупсят.

А дорога эта была с сумасшедшим движением. Не проходило недели, чтобы кого-то не сбило. Светофор выше по улице ловит поток, а потом разом выпускает его. А тут еще небольшой поворот, в который вписываются не тормозя, и сразу же метров через двадцать после поворота – мы. Слыша, как приближаются машины – именно слыша, но еще не видя, – я схва-

тил сестру за руку и попытался утащить ее с дороги, решив пожертвовать игрушками. Но она с плаксивым криком: «А-а-а! Пусти меня!» – выкрутилась, укусила меня и, бросившись живо- том на асфальт, принялась стребать свои сокровища. И тут выскочил весь этот гудящий поток. Схватить дурынду во второй раз я уже не успевал. Помню, подумав: «Сама виновата! Не поги- бать же двоим!» – я бросил свои попытки спасти ее, прыгнул на бордюр и зажмурился. Завиз- жали тормоза. Я повернулся и увидел, что белая иномарка остановилась в каких-то считанных сантиметрах, а сестра с воем собирает с асфальта игрушки и ссыпает их в пакет.

Она так и не ушла с дороги, пока не собрала всех своих пупсиков, и, зареванная, прижи- мая к животу пакет, направилась домой. Получалось, что я предал ее, а она вдвойне победила: и игрушки спасла, и сама уцелела. Она победила, я проиграл. Навсегда проиграл.

После этого случая я стал исследовать страх и себя в страхе. Вначале по-детски, а потом все более и более осмысленно. Причем тот случай на дороге не был единственным... Каждый день я совершал как минимум два или три поступка, которые были вызваны исключительно страхом в той или иной его форме. Это были пустяковые страхи, но были страхи и глобальные. Все побуждения моей юности диктовались страхом – вернее, желанием от него избавиться. Но боролся я, как оказалось, не с самим страхом, а только с предпосылками его возникновения, а это все равно что кутаться зимой в двадцать пять шуб, стараясь согреться, а потом сообразить, что идешь по снегу босиком.

Первое время я думал, что природа страха физическая. Мне казалось, что внутренне я свободен и не боюсь ничего, а вот боль или смерть – причина моего постоянного страха и беспокойства.

И я стал заниматься культуризмом и рукопашным боем – но страх не ушел, даже когда мне сломали нос, только отодвинулась его граница. Я понял, что многие из тех, кто активно занимается карате, ушу, боксом, как раз более других подвержены всякого рода комплексам и именно таким вытесняющим образом с ними сражаются. Почти всех спортсменов, с которыми мне довелось говорить, в детстве или юности обижали сверстники – и теперь они делают все возможное, чтобы это не повторилось.

Например, думал я, кто проявляет больше смелости, вступаясь за девушку вечером в парке: я, физически сильный, поднимающий доньшком кверху двухпудовую гирю, или какой-нибудь дохлый бухгалтер-очкарик? Тут и спорить нечего: бухгалтер смелее в пять раз, потому что он наверняка знает, что угодит на больничную койку...

Потом уже, студентом, я стал спускаться под землю, исследовать подземную Москву – думал так победить страх. Нет, не победил, хотя из семи моих приятелей один задохнулся в заморыше, а другой, не заметив люка, провалился и долго лежал с переломом позвоночника. Прыгал я и с парашютом, но вывалиться из самолета с закрытыми глазами и торопливо дернуть за кольцо – самооборона труса, не более.

Мне казалось и до сих пор кажется, что если бы я смог выдавить из себя весь страх до капли – то был бы счастлив. Я даже составил некую примитивную табличку, которая, по моему мнению, отражала типологию страха. Страх бывает:

1. Страхом внешним – перед болью, физическим уничтожением.

2. Страхом внутренним (угрызения совести, тоска и т. п.).

Причем страх внутренний всегда обусловлен страхом внешним.

3. Страхом потенциальным, или возможным. Это страх потерять здоровье, когда ты здо- ров, оглохнуть, ослепнуть, заболеть раком или страх, что все это случится с людьми, которых ты любишь. Это самый «страшный» страх, страх, который у тебя в крови.

И тогда я стал искать для себя главного универсального врага – тот исходный страх, побе- див который я смогу уже ничего больше не бояться, как, скажем, победив самого дьявола, я мог бы уже не бояться мелких бесов. И я нашел его. Это был страх смерти. Страх смерти – это страх лишиться моего Я.

Мир для меня делится на Я и все остальное. Понятие всего остального обширно, оно вбирает в себя ту часть Вселенной, которой она касается меня. Со стороны «всего остального» моему Я грозили и грозят бесчисленные опасности. Оно может растворить меня в себе, уничтожить, сломить.

И поэтому мне всегда хотелось создать в большом мире свой собственный мир, где все зависело бы только от меня, – островок жизни, состоящей из приятных кусочков, где нет опасности и нет страха.

А для этого нужно победить страх смерти. И я стал представлять всякие ужасы, стал представлять себя умершим, разложившимся, с червями в глазницах. Почему я боюсь смерти, ведь уже многие умерли? Бабушка, дедушка, прабабушки и прадедушки и еще сотни предков. К тому же моя МЫСЛЬ, мое Я не может быть смертным. Это просто невозможно. Следовательно, бояться смерти глупо, и пусть черви ползают, какая разница!

Если бы я смог избавиться от страха, то был бы всемогущ. Думаю, в абсолютном избавлении от страха – секрет бессмертия.

Только что спохватился, зачем я пишу все это? Уже третий час ночи, а я как безумный пишу и пишу... Ладно, уже поздно, завтра мне идти в архив, у меня такое ощущение, что в бумагах купца-мецената Петра Ручникова есть что-то интересное. Хотелось бы использовать это для диссертации.

25 июня

Сколько у нас в архивах неподнятых документов! Сотни тысяч никогда не востребованных единиц хранения! Какие сокровища – десяти жизней не хватит, чтобы все просмотреть! И ведь никто не прячет: бери, читай – только никто не берет и не читает. Ходят проторенными тропами: древние летописи, Смута, Пугачев, Разин, 1812 год и кое-что вокруг царей – а уже в приказные и монастырские архивы никто и носа не сунет. Ну а личные архивы – тут вообще девственный лес. Открывай любую папку и будь уверен: за последние сто лет ты первый, кому она понадобилась...

Я хорошо знаком с одной сотрудницей архива, и она пропускает меня прямо в хранилище, прохожу, минуя каталоги, картотеки, листки с требованиями и всю эту волокиту, которая словно специально создана для того, чтобы никогда не получить нужной рукописи или книги. Но перейду к сути.

Сегодня я просмотрел бумаги купца Ручникова, о которых писал вчера, – четыре папки. Более тысячи пронумерованных страниц. Принято на «вечное» хранение – 1916 г., март. Основание хранения – посмертное пожертвование архиву древностей при Грановитой палате Московского Кремля. Ишь ты – 1916 год! Вовремя успел умереть купец, года через два этими бумагами растопили бы «буржуйку», а так они прочно осели в архиве и уцелели.

Я листал бумаги с единственной целью – посмотреть, нет ли там чего-нибудь любопытного для моей работы о купеческих родах. Скажем, расположение купеческих лавок и лабазов в старой Москве на Охотном, какие-нибудь сплетни, пути пополнения купеческих коллекций, аукционы, частные собрания – одним словом, то, ради чего я и копаюсь в этом старье.

В этом отношении первые три папки не представляли особого интереса. Деловые письма, годовые отчеты в казну, подробная опись коллекции. Кажется, купец Ручников неважно вел дела, даже ухитрился задолжать Земельному банку, и это при том, что ломбард и торговые ряды должны были приносить ему доход. Бумаги были написаны сухим деревянным языком, неразборчивым почерком, и я не получал никакого удовольствия от их прочтения. Я собирался уже вернуть папки в архив, когда из последней вдруг выпало несколько страниц, подшитых в отдельную тетрадь.

Чисто из любопытства я мельком просмотрел их. Там прыгающим почерком было написано что-то о поисках клада. Сохранились не все страницы, и понять, что это был за клад, я так и не смог. Сумел только уяснить, что купец долго искал клад и, видимо, нашел, потому что далее на добром десятке страниц следовали описания монет, драгоценностей и запертого ларца.

Я был поражен, что никто никогда не писал об этом кладе, а потом вдруг сообразил, что я первый, кому вообще попали в руки эти бумаги. В архиве их толком не просматривали, а вдова или душеприказчики тоже не утруждали себя их разбором. Это уже занято. Завтра я снова туда пойду...

28 июня

!!!

Или я спятил, или... Это невероятно! Ладно, тьфу-тьфу, не сглазить...

Нашел в четвертой папке ручниковского архива странное письмо, а в нем коротенький зашифрованный текст. Бумажка была незаметно подклеена к одному из листов. Я наткнулся на нее случайно, просто пальцами почувствовал, что одна из страниц толще остальных.

Почерк другой, но бумага старинная, и написано выцветшими чернилами. Я не удержался и вырвал эту страницу из подшивки. Если ее и хватятся, то только лет через сто, уж я-то знаю...

Сейчас занят тем, что разгадываю шифр. Похоже, простенькая тарабарская грамота с перестановкой букв, вроде той, с помощью которой переписывался царевич Алексей с заговорщиками – пишут один алфавит, а рядом другой, смещенный. Скажем, [а] заменяется на [к], [б] на [л], [в] на [м] и так далее. Есть даже промежутки между словами. Я бы давно расшифровал эту цидульку простым подбором частоты употребления, но меня путает старая орфография, всякие «яти» и «еры».

30 июня

Бьюсь с шифром. Сказывается отсутствие навыка. Просчитал в книге прошлого века частоту употребления букв. Из гласных чаще всего встречается [и] и [е], потом [а], [о], [ять], реже всего [э] и [ы]. Причем [ы] чаще в окончаниях прилагательных – страннЫй толстЫй, а знак за ним, следовательно, [й]. [А] и [о] решил не различать, [е] и [ять] тоже – и так понятно, что [малако] это [молоко].

Совсем запутался, буду считать дальше. Голова распухла, как шар.

1 июля

Нет, наврал По! Частота употребления тут не срабатывает – все равно выходит полная путаница. Если что-то и спасает, так это пробелы между словами...

2 июля

Кажется, что-то начинает вырисовываться. Правда, совершенная чушь. Думаю, может, неправильно расшифровываю?

3 июля

Набредая на смысл. Только не знаю, как проверить. Сказать кому-нибудь, до чего я докопался, решат, что я сумасшедший. Возможно, что все это мистификация, но все равно интересно. Неужели в музее?

5 июля

Снятся странные сны. Лицо в капюшоне. Наверное, самовнушение.
Был в музее. ОНА там!

6 июля

Пытался передвинуть статую, но заметила смотритель. Стала скандалить, хотела вызвать милицию, и я быстро ушел. Ума не приложу, что делать дальше. Нужно в музей, но там меня уже знают. Жаль, что я сбрил бороду... Поеду на дачу и выжду время. Жутко устал. Заодно и борода вырастет.

На даче. Разговор в электричке:

– Толян, че ты меня вчера ударил? Обидеть хотел?

– Не, пьяный был...

– Тогда нет проблем... но если обидеть хотел, то я тебя...

– Говорю же, пьяный был.

– Это я могу простить, но если обидеть... (И так до бесконечности.)

Как сказал бы мой зануда-профессор: пьянство на Руси – самая уважительная из всех причин.

Не забыть купить дрова и поменять баллоны, когда будет машина.

8 июля

То бессонница, то кошмары. Интересно, в нашем роду были душевнобольные? Если в следующие два дня ничего не изменится, я бросаю этот ребус.

Хочу позвонить Алешке в Питер. Думаю, он единственный, кто поверит в эту невероятную историю. Не изменился ли у него телефон?

9 июля

Снова был в архиве, листал папки, но там уже нет ничего нового. В своих поисках я зашел в тупик. Нужно уметь вовремя отказаться от иллюзий. Завтра возвращаюсь на дачу. Лицо с капюшоном мне больше не снилось.

Ночь, 10 июля

Какой же я идиот! Почему я так медленно соображаю? Разгадка же была почти у меня в руках! Клад существует, теперь я это понял! Хочу с кем-нибудь поделиться. Если получится, позвоню Алешке.

Заснуть уже не могу. Очень холодно, постараюсь растопить печь...

Это была последняя запись. Корсаков закрыл дневник.

Была ли смерть Федора связана с историей клада? По скупым строчкам в дневнике судить об этом сложно. И что могли означать Федины слова: «Он опять здесь»? Кто он? Клад? Купец? Существо из кошмаров?

Алексей взглянул на часы и подвинул к себе телефон. Хотя прошло уже много времени, номер он хорошо помнил. После второго гудка Корсаков услышал свой собственный звонок – телефон был с определителем. А потом в трубке загудел недовольный бас:

– Чего надо?

– Никита? Я в Москве, – сказал Корсаков. – Узнал?

Трубка призадумалась, но нашлась на удивление быстро.

– А чего тебя, дурака, узнавать? Приезжай – водки выпьем.

Никита Бурьин жил в шестнадцатизатжке на Юго-Западе. Хотя дом был элитный, с двумя квартирами на этаже и домофоном, над которым торчало бдительное око видеокамеры, в лифте все равно кто-то ухитрился справить малую нужду, а на стене зажигалочной гарью вывели: «Костя Сидоркин – дюбил», и под этим куда более длинное и тоже зажигалкой: «Попадешься ты мне, ублюдок, который пишет в лифтах, запоешь фальцетом!»

Корсакову отчего-то показалось, что он узнал почерк.

Лифт с лязганьем остановился на шестнадцатом этаже, но дверцы не спешили открываться. Похоже, лифт так привязался к своему пассажиру, что мечтал замуровать его заживо.

– Но-но, не балуй! – строго сказал Корсаков, сдвигая брови. Дверцы лифта раздвинулись. Алексей шагнул на площадку и позвонил в знакомую дверь.

В коридоре послышались тяжелые шаги, и выглянул огромный бородач в мягких тапочках. Он был одет в бархатный халат с кистями на концах пояса. Взгляд великана скользнул по лицу Корсакова.

– Здорово, Никита!

– Ба, Алешка! Сколько лет, сколько зим! – закричал бородач, заключая гостя в объятия и сжимая его так, что тот едва мог дышать. – Ты еще жив? Когда ты мне последний раз звонил?

Корсаков с трудом высвободился из медвежьих объятий.

– У тебя тоже есть телефон, – заметил он.

– Есть-то есть, да что телефон? Дрянь телефон! – категорично пробасил Бурьин. – Пошли лучше, кое-что покажу! – Он подошел к книжному шкафу и, с гордостью указав на него, произнес: – Ну как тебе мое новое приобретение? Много книжек?

– Солидно. Только я не помню, чтобы ты их когда-нибудь читал.

– Я поумнел. А вот что ты думаешь об этом? – хмыкнув, Бурьин ткнул пальцем в одну из полок.

Корсаков вгляделся в тисненные переплеты:

– Первое собрание сочинений Льва Толстого. Кажется, еще прижизненное.

– Прижизненное, говоришь? – оглушительно загрохотал Бурьин. – А как насчет почитать?

Он разом отодвинул корешки книг – и Корсаков убедился, что это всего лишь муляж. За корешками на полке хаотично толпились бутылки – «Абсолют», «Белый орлан», «Иван Грозный», «Степной волк», «Карелочка», «Можжевельная», «Гжелка».

– Мой НЗ – неприкосновенный запас, – с гордостью сказал Бурьин. – Хотя чаще всего я делаю его прикосновенным.

Корсаков обвел взглядом квартиру, на секунду задержавшись на метровой золоченой статуэтке – статуя Свободы, держащая вместо факела пепельницу. Рядом журчал небольшой комнатный фонтан с мельницей.

– Знакомься, это моя девочка на побегушках! Пока неживая, но это временно. После первой бутылки она уже моргает, а в середине второй уже почти готова бежать за пивом! – сказал Бурьин, щелкая статую по носу.

– Богатеем?

Бурьин поморщился:

– Э-э, да это что! Посмотрел бы ты на мою дачу! В лице моей рожи ты видишь нового замдиректора фирмы «Русские бройлеры». Окорочка, мясо, ветчина – это все я! – Никита с размаху бросился спиной на диван и заложил руки за голову. – И притом, чтобы ты все правильно усек, я ничего не делаю, только шлепаю печать. Пук-пук! Не отличу счета-фактуры от туалетной бумажки!

– А что же директор? – спросил Корсаков. – Как он к этому относится?

– А никак не относится. Директора взорвали.

Алексей заморгал.

– ЧТО? Как взорвали?

– Обыкновенно взорвали. Как всех нормальных людей взрывают, – снисходительно объяснил Бурьин. – Подложили граммов двести тротила под сиденье. Взрыв был маленький, но красивый. Так что я теперь вроде как за главного.

– А ты, того... не боишься, что тебя тоже взорвут? – спросил Корсаков.

– Боюсь, – честно сказал Бурьин. – И все наши боятся, потому и сделали меня вроде за главного. Они теперь пашут, а я попой стул украшаю.

– А наезды были?

– Не-а, пока не было вроде. Погоди-ка, я ща...

Никита смотался на кухню и, сияя, притащил ящик пива в черных банках. На каждой банке белый медведь.

– Давай по паре «медведей» на брата, а потом на повышение, – пробасил Никита, опуская ящик на стул, с которого он за секунду до этого смахнул какие-то бумаги. – Положишь на стол? – попросил он Алексея.

Выполняя его просьбу, Корсаков заметил, что на столе возле маленького ноутбука последней модели лежит увесистый, плохо обтесанный булыжник, привязанный к палке.

– Что это?

– Будто не видишь. Каменный топор. Тот псих, что мне его продал, врал, что раскопал его где-то в Африке, – неохотно пояснил Никита.

– Зачем он тебе?

– Так, хохмы ради. Возвращение к пещерным истокам. – Никита допил второго «медведя» и укоризненно посмотрел на опустевшую банку.

– Это твоя жена?

– Ты че? Это пиво! Что я, извращенец?

– Кончай... Я о другом... – Корсаков кивнул на фотографию темноволосой женщины на столе.

– Стоп. Не жена, а бывшая жена, – сказал Бурьин. – Видишь ли, тут какая история. Года три назад она сочла меня неперспективным и бросила, ушла к какому-то мидовцу. А теперь, стало быть, увидела, что я неплохо живу, и опять хочет ко мне перебраться. Тем более что мидовец чего-то застрял. Она думала, его в Европу пошлют, а его в Камбоджу перепихнуть хотят... Облом, короче... Фотографию вон свою притащила, чтобы на меня воздействовать.

Бурьин взял фотографию темноволосой женщины, погрозил ей кулаком и сунул в шкаф.

– Ну, по второй! – сказал он, потянувшись за банкой.

– Ну вот, нет больше «медведей»! Поздно заносить их в Красную книгу, – грустно сказал Корсаков и сплющил в ладони последнюю банку.

Никита посмотрел на него слегка мутным, но очень цепким взглядом.

– Ну а теперь, когда мы выпили, можешь ты мне сказать честно и прямо: зачем ты приперся? Только не говори, что соскучился, – не поверю.

Корсаков встал и прошелся по комнате.

– Помнишь Федьку Громова? Вместе с нами учился, – спросил он.

– Ну? – Никита прищурился.

– Он погиб... вчера утром. А за пару часов до этого позвонил мне в Питер...

Никита слушал внимательно, а когда Корсаков закончил, подошел к бару и достал два граненых стограммовых стаканчика.

– Помянем, а там подумаем, что дальше делать, – сипло сказал он.

«Разве я затем приехал в Москву, чтобы напиться?» – укоризненно размышлял Алексей получасом позже, наблюдая, как расплываются очертания лампы на столе у Бурьина. Шар растягивался, удлинялся, завивался спиралями – а он все никак не мог оторвать от него взгляда.

Он чувствовал, что Бурьин ему что-то говорит, но слова слились в непрерывное «бу-бу-бу». Голова отяжелела и упала да грудь.

Глава V

Никита Бурьин

Бурьин проснулся и посмотрел на часы. На часах была половина второго. «Дня или ночи? – спросил он себя и, увидев в просвете жалюзи солнце, сам себе ответил: – Дня».

– Эй, Алешка, просыпайся! – Бородатый гигант повернулся в кресле так, что оно чуть не развалилось. Увидев, что Корсаков, лежавший в одежде на диване, даже не пошевелился, он вздохнул и включил радио.

«С вами диджей Кирилл, – и в приемнике бойкий расхлябанный голос. – В эфире «Скандалная хроника». Как насчет свеженького скандальчика, спросите вы? О, нет проблем! Сегодня утром многие москвичи могли видеть на памятнике Юрию Долгорукому около здания Московской мэрии обнаженную молодую женщину. По свидетельству очевидцев, прехорошенькую. Никто не видел, как она забралась на памятник и когда именно сбросила одежду. Предполагают, что таким необычным образом девушка протестовала против продолжающегося забоя китов, вырубки сибирских лесов и истребления пушных зверей. Когда подъехал наряд милиции, девушка уже исчезла. Очевидцы утверждают, что она села в черный джип, который быстро скрылся в сторону Белорусского вокзала. Итак, уважаемые москвичи, если решите позагорать, смело залезайте на памятник Юрию Долгорукому... Хи-хи, это, конечно, шутка!.. А теперь Илья Тараканов исполнит песню о любовном квадрате. Что такое любовный квадрат и чем он отличается от треугольника? Слушайте песню и просвещайтесь...»

В приемник полетела подушка.

– Заткни его! – Корсаков попытался сползти с дивана, но вновь уткнулся лицом в подушку. Будто он раньше не знал, что нельзя мешать пиво с водкой. Повтор программы детского сада.

Наблюдая за его попытками подняться, Бурьин самодовольно хмыкнул:

– Бедный кандидатишка! Сразу видно, что ты не «новый русский»... Иди прими душ.

– Думаешь, поможет?

– Не-а, не поможет... Но ты все равно рискни.

Простояв с минуту под холодной струей, Корсаков почувствовал себя лучше. Во всяком случае, в желудке перестало мутить, хотя думать о завтраке было все еще омерзительно.

Когда он вернулся в комнату, Бурьин стоял у окна. В руках у него была тетрадь с пружинным переплетом.

– Это и есть громовский дневник?

– Да. Прочитал?

– Не-а, пролистал... Взгляни сюда.

На одном из чистых листов в конце тетради, куда Корсаков еще не заглядывал, была сделана запись в несколько строк:

*«2л3з1ь7 554чь 553 4мз1ч7, 4 9л1к1льц7к! бы 2ь3рбь 94з551л, в 63б3
24крыб1 61й551. У91в 2 553632, в з3млз з1рыб 2у55дук. 7иц7, 551йдзшь, быбь
м4ж36, 554 4264р4м355 будь. 9324к уж 2ы9л362я.
9р4и1й, 4 9л1к1льц7к, бы 2641 551 26р1жз 61й55ы!»*

– Думаешь, это то письмо, над расшифровкой которого бился Федор? – спросил Никита.

– Похоже, что да. Переписал его в тетрадь, чтобы поразмыслить на досуге. Настоящая тарабарская грамота.

– А перевода не сохранилось?

– Я не видел.

Бурьин задумчиво поскреб заросшую шею:

– Гм... Что же делать, не самим же это все разбирать. Есть у меня один парень знакомый, кучу языков знает. Он мне контракты на продукты с датского переводит. У этого парня увлечение – всякие древние языки, шифры. Вот кому это надо показать... – Говоря, Бурьин влез в темные джинсы и сдернул со спинки стула черную кожаную куртку.

– Ты так всех детей распугаешь, – усмехнулся Корсаков.

– Правда? – озадачился Никита. – Выходит, продавщица наврала? Она сказала – мне идет.

– Она пошутила. Кожа не в моде, она неэкологична.

– Ну и зануда же ты! Сейчас не носят – через год будут носить... И вообще ненавижу я эти костюмы...

В лифте Бурьин насвистывал какую-то мелодию, но лишь до того момента, когда двери начали раздвигаться. Внезапно лицо у него приобрело странное выражение. Он оттолкнул Корсакова и стал судорожно нажимать кнопку «Стоп».

Корсаков ожидал увидеть как минимум киллера с пистолетом, пришедшего вносить предоплату за окорочка, но на площадке, скрестив на груди руки, стояла маленькая энергичная брюнетка с поджатыми губами...

– Хорошо, что я тебя застала! – воскликнула женщина, бросаясь к Бурьину и делая вид, что не заметила его странного маневра. – Ты рад видеть своего птенчика? Я тебе звонила, но твой мобильник не отвечает.

– Он упал, – сказал Никита.

Корсаков слегка приподнял брови.

– Упал? Вот жалость! – ужаснулась женщина. – Неужели разбился?

– Что же ты хочешь, все-таки шестнадцатый этаж, – с усмешкой пояснил Бурьин.

Женщина терпеливо посмотрела на него, как если бы была сразу и матерью, имеющей капризное дитя, и опытным доктором-психиатром.

– Вам что-нибудь нужно? – громко спросила она, поворачиваясь к Корсакову. – Что вы тут стоите? Мы вам загораживаем дорогу?

– Это мой друг, – быстро сказал Никита, удерживая приятеля за локоть и прикрываясь им как щитом. – А это, Алеша, ты, наверное, уже догадался... Кажется, я вас знакомил когда-то.

– Как же я могла забыть! Кажется, вы были у нас на свадьбе. Вы ведь в Питере живете? – Моментально преобразившись, женщина расплылась в обаятельной улыбке. – Анна. Анна Бурьина, если вы не помните, – представилась она.

– Уже не Бурьина! – протестовал Никита. – Мы в разводе.

Но женщина пропустила это замечание мимо ушей, направив волны своего обаяния на Алексея.

– Очень рада! – сказала она. – Никита много о вас рассказывал. Вы, кажется, вместе провели детство?

– Играли в одной песочнице... Он у меня еще лопатку отбирал! – подтвердил Бурьин.

Корсаков слегка удивился этой неожиданно обнаружившейся подробности, но согласно кивнул. Никита был на три года старше, что хотя и не исключало игры в одной песочнице, но делало ее довольно сомнительной и нелестной для бородатого друга.

– Славное было время, – осторожно сказал он.

– Вы давно в Москве? Проездом? – поинтересовалась экс-жена с едва уловимой ноткой озабоченности.

– Он из Питера, – с гордостью объяснил Никита. – Директор Русского музея. Приехал на аукцион покупать картины.

– Правда? Вы директор Русского музея? – приятно удавилась Анна, и лучи ее обаяния стали еще теплее. – А я смотрю, вы хорошо одеты. Костюм, галстук, рубашка – все высший

класс. А вот Никита за собой совершенно не следит. Раньше-то понятно, муж и на хлеб едва наскребал. Помню, с какой жадностью он всегда ел у моей мамы...

Лифт зашумел. Анна на мгновение отвлеклась на посторонний звук, и Бурьин, воспользовавшись этим, метнулся к выходу из подъезда.

– Прости, Анюта, но нам пора. Мы уже опаздываем!

– Куда пора? Зачем? – удивилась бывшая жена. – Сегодня воскресенье. Я думала, ты будешь дома.

– «Куда? Зачем?» Ты задаешь слишком много вопросов! – рассердился Никита. – Пошли!

Он схватил Корсакова за рукав и, как бульдозер, потащил его к выходу. Бывшая жена бежала следом:

– У тебя комплекс. Эдипов или еще какой-нибудь. Ты боишься меня! Сравниваешь со своей матерью! Сердишься за то, что я от тебя ушла, когда ты был неудачником! Но не волнуйся, я всегда оставалась твоим другом, ты можешь мне доверять!

Стиснув зубы, Никита промывчал что-то невнятное. Он выскочил из подъезда и бросился к припаркованной прямо на газоне «БМВ» ярко-красного цвета.

– Садись, поехали! Холодная, ну да черт с ней – только б уехать! – крикнул он Корсакову. Двигатель взревел, и машина, чихая от усилия, стала задом съезжать с бровки газона.

– Ты должен с собой бороться! Ты неконтролируемый истерик! – кричала Анна, стуча кулаком в стекло. – Помогите ему, Алексей! Вы же его друг! Объясните ему, что так приличные люди себя не ведут. Он ставит и себя и меня в глупое положение!

Никита нажал на гудок и, не переставая сигналить, выехал со двора.

– Жаль, я не захватил с собой каменный топор! – пропыхтел он пятью минутами позже.

– Почему именно топор?

– Все остальное оружие для нее слишком гуманно, – проворчал любящий супруг и выехал на шоссе.

Рядом с Бурьиным по-питерски щепетильный и аккуратный Корсаков чувствовал себя не в своей тарелке. Никита управлял машиной как камикадзе. Он в упор не желал замечать, что не один на дороге, очевидно, воображая себя за рычагами танка. К светофорам и дорожным знакам он относился как к досадному недоразумению. Так что очень скоро Алексей стал ощущать себя штурманом подбитого самолета, который с воем несется к земле.

– Ты давно водишь машину? – осторожно полюбопытствовал он.

– А то как же! – радостно сказал друг.

– И права у тебя есть?

– А то как же! В третий раз восстановил. Знал бы ты, сколько мне это стоило! Показать? – И, не глядя на дорогу, Никита стал копать в бардачке.

– Осторожно! – закричал Корсаков.

В последний момент Бурьин вывернул руль, избежав столкновения с маршрутным такси.

– Куда прешь, придурок, по моей полосе? – завопил он, высовываясь из окна. – Ноги поотрываю!

– Вообще-то здесь одностороннее движение, – подсказал Корсаков.

– В самом деле? Ну тогда пардон... Извини, друг, – удивился Бурьин, начавший уже вылезать для расправы.

Алексей повернулся и стал смотреть в окно. Они как раз проезжали мимо литой ограды университета на Воробьевых. Родные места! Здесь он ходил пять лет до метро и обратно. Обычно питерцы учатся в Питере, ну да есть же и исключения.

– Она меня переживет, – вдруг грустно сказал Никита. – Я это чувствую.

– Кто? – не понял Корсаков.

– Ну эта... Анна. Она мне уже предлагала, чтобы я квартиру на нее переписал. Говорит, у тебя работа опасная, а я твой друг и ты всегда можешь на меня положиться. Вот стерва! Ведь точно переживет же!

– Если будешь так водить машину, то да, – согласился Корсаков. – А чего ты на ней тогда женился? Это ведь было, кажется, уже на последнем курсе.

Никита стыдливо закряхтел.

– Из научного интереса, – объяснил он.

– Что-что? Из какого интереса? – переспросил Алексей.

– Видишь ли, у нее везде ребра! Даже там, где их не должно быть. А я как бывший выпускник медучилища не удержался... Ты же в курсе, что я в училище еще учился?

– А что, по-другому не получилось проверить?

– Значит, не получилось.

– А мне показалось, она милая женщина, – специально, чтобы подразнить приятеля, сказал Корсаков и тотчас пожалел, потому что Никита от возмущения едва не врезался в грузовик.

– Сменим тему, – прохрипел он. – Тебе кто больше нравится, ворона или воробей?

– Бройлеры, – сказал Алексей.

На выезде на Хорошевку машины стояли сплошным сбившимся потоком. Неисправный светофор уныло мигал желтым.

– Э нет! Так мы на полдня растянем. Знаешь что, давай проедем дворами, здесь недалеко, – заявил Никита.

Бурьин решительно выехал на тротуар, наискось пересек газон, проскочил под аркой проходного дворика и совершенно неожиданно оказался перед длинным бетонным забором со старинной табличкой: «Дом на снос. Строительство ведет ЗАО «СМУ-5». Ответственный: прораб П. Р. Зайбегуллин».

Некоторое время Бурьин разглядывал это странное объявление, а потом выругался:

– А чтоб этого прораба! Помню, здесь был проезд, а потом улица, на которой живет тот переводчик... И че теперь, блин, делать?

– Пешком пройти. – Корсаков вылез из машины.

– погоди, я с тобой! – крикнул Никита. – Только поставлю противоугонное устройство.

Он залез в багажник и достал табличку. На табличке крупно нацарапано: «Утонишь – ты труп!» – и нарисован скелет, очень внушительный.

Никита бросил табличку на переднее сиденье, захлопнул дверцу и бросился догонять Корсакова. Несколько минут они шли вдоль забора, тщетно пытаясь найти в нем проход или хотя бы пролом.

Но, видимо, прораб Зайбегуллин был с монументальными замашками. Все, что было за забором, могло три раза рассыпаться в прах, но забор, грозный и неприступный, стоял бы, как Великая Китайская стена, бессмертным памятником прорабу Зайбегуллину и его стройке века.

Приятеля подумывали, уж не перелезть ли им через забор, но решили просто интереса ради дойти до его конца. Но хитрости прораба Зайбегуллина не было границ. Забор уткнулся в глухую стену многоэтажного дома, протянувшегося чуть ли не на целый квартал.

Приятеля переглянулись и расхохотались.

– Лезем? – спросил Никита.

– Ну давай!

Слегка испачкавшись, они перемахнули через забор и спрыгнули на битый кирпич, думая, что восторжествовали над прорабом. Но Зайбегуллин и здесь оставил их в дураках. Построив одну сторону крепости, он поленился построить другую. С противоположной стороны стройки забора вообще не было...

Они успели как раз вовремя. У зиявшей выбитыми окнами пятиэтажки рядом с кучей строительного мусора стоял джип «Чероки» с распахнутыми дверцами. Двое мужчин втаски-

вали девушку в строительный вагончик. Девушка, кстати, совершенно обнаженная, отчаянно сопротивлялась, царапалась, но почему-то не издавала ни звука.

– Среда бела дня! Почти в центре города! Положим, я тоже любитель острых ощущений, но не до такой же степени! – присвистнул Бурьин.

– И что? Ты так и будешь тут стоять? – Перепрыгнув через кучу битого кирпича, Корсаков бросился к вагончику. – Как изменились времена! – крикнул он на бегу. – Ведь совсем недавно за оброненный женский платок стрелялись.

– И правильно, нечего вещами сорить! Потерял чего из гардероба – застрелись! – устремляясь за приятелем, согласился пыхтящий Бурьин.

Услышав топот, громилы повернулись. Один из них пытался втолкнуть сопротивляющуюся девушку в дверь вагончика, а второй спокойно стоял, опустив руки и ожидая Корсакова.

Оставив внушительные монологи наподобие «Отпусти девушку, подонок!» героям боевиков, Корсаков бросился на противника, надеясь сшибить его с ног, но тот оказался проворнее. Алексей почувствовал, как что-то вспыхнуло у него в глазах и отдалось тупой болью в затылке.

Падая, он увидел, что громила склонился над ним, растянув в улыбке губы. Глаза у него были холодные и чуть прищуренные.

– Полежим в больничке? – спросил он.

– Добей его, Фома!.. А ну, не вырывайся, стерва! – крикнул его напарник, все еще борющийся с девушкой.

Фома выпрямился и увидел несущегося к нему бородача в кожаной куртке. Этот противник показался ему более серьезным, и он встал в стойку.

Никита перешел на шаг. Лицо у него было невозмутимым.

– Хочешь подраться, мальчик? Ну давай! Посмотрим, что ты умеешь. – И он, дразня, поманил к себе противника пальцем.

Решив нанести первый удар ногой в голову, громила совершил ошибку. Удар был хорошо поставлен и, возможно, в другом случае мог оказаться решающим, но он не учел реакции и мощи своего противника. Его бьющей ногой уже не суждено было опуститься. Чуть отклонившись, Бурьин перехватил ее на лету одной рукой, а другой – с силой нажал на колено. Послышался хруст. Фома хрипло застонал и свалился на битый кирпич.

– Закрытый перелом плюс смещение коленной чашечки, – сказал ему Никита. – В другой раз не работай ногами так высоко... А ты куда? А ну стой!

Второй бандит прыгнул со ступенек строительного вагончика и бросился к машине. Он бы успел, но Корсаков, уже немного оправившийся, поставил ему подножку. Почти сразу неумная сила оторвала противника от земли, подняла высоко над землей, и он всем телом врезался в лобовое стекло джипа.

– Ну вот, опять влипли. Говорила мне мама: не лазай через заборы, сынок, – проворчал Никита, помогая Корсакову подняться. – Ты как? В порядке?

– Голова кружится, – сказал тот, ощупывая подбородок.

– Раз кружится – значит, есть чему. Ты че, никогда раньше не тренировался?

– Почему это? Я фехтовальщик! – возмутился Корсаков.

– Ну тогда носи с собой рапиру! – посоветовал Бурьин, переводя взгляд вправо. – А, вот и наша спасенная! Не бойтесь, идите к нам! Только не вздумайте плакать, мы тогда сразу убежим.

Девушка, выйдя из вагончика, подошла к ним. Похоже, она совсем не стеснялась своей наготы. Кожа у нее была молочно-белая и поразительно чистая. «Странно, что у нее нет ни одного родимого пятна. Такое редко бывает». Едва Корсаков об этом подумал, как заметил у девушки справа от пупка небольшую родинку.

– Вам повезло, что эти мерзавцы не успели вас обидеть, – сказал он. – Вам нужна помощь?

– Помощь? – повторила незнакомка, словно пробуя на вкус это слово. – Нет, спасибо, не нужна. Она мне вообще не была нужна.

Голос у нее поначалу звучал немного неуверенно, но с каждым следующим словом эта неуверенность исчезала.

Корсаков решил, что они имеют дело с женщиной не очень твердых моральных устоев, и почувствовал неожиданную досаду. Не исключено, что эти парни были ее сутенерами.

– Нет, я их раньше не знала, – странно угадывая его вопрос, выпалила девушка. – Как вы думаете, все самцы ведут себя подобным образом? Я имею в виду, совершают насилие и получают от этого удовольствие?

– Не все. Только самые примитивные, – осторожно сказал Корсаков.

– А вообще, по секрету, бывают вещи и поприятнее. Пиво, например, или салат оливье, – буркнул Никита, которому показалось, что он молчит слишком долго.

Алексей заметил, что его приятель разглядывает девушку с любопытством, но без всякого восхищения, словно подозревает в ней замаскированную экс-жену. Но даже и то, что Бурьин на нее просто смотрит, отчего-то стало ему неприятно. Инстинкт собственника?

– Где ваша одежда? – спросил он. – В машине?

– У меня ее не было. – Девушка преспокойно оперлась рукой о его плечо и подняла ступню, разглядывая, нет ли в ней занозы.

– Вообще не было одежды? Неужели вы и в машину к ним садились прямо так? – заинтересовался Никита.

– А для вас так много значат эти полоски ткани, ведь сущность женской формы под ними остается неизменной? Я и этим людям так сказала, но они, кажется, ничего не поняли.

– Теперь ясно, почему у них поехала крыша. Они восприняли ваш наряд как приглашение к близкому знакомству. А вы небось дали им откат, – сказал Бурьин.

Корсаков представил себе лица громил, когда девушка говорила с ними о сущности женской формы, и едва сдержал улыбку.

– Скажите, это не вы случайно сидели на памятнике Долгорукому? – вдруг выпалил Никита.

Девушка на мгновение задумалась и ответила двумя вопросами на один:

– Долгорукий – это такой бронзовый всадник на коне? Да, это была я, но что в этом такого?

– Да ничего. Я о вас по радио слышал. Если вздумаете нагишом походить по Красной площади, пригласите меня посмотреть.

– Хорошо, если вам это так необходимо, – согласилась девушка.

Лицо Бурьина стало озадаченным. Кажется, он сообразил, что его поставили на место.

– Послушайте, – спросил Алексей, – а там, на памятнике, что вы испытывали?

– Седло горячее. Сильный ветер. Голубей много. А вообще-то ничего, – подробно приналась припоминать девушка, усердно морща лобик.

Глядя на нее, Корсаков подумал, что его первое впечатление о ней как о представительнице древнейшей профессии было, пожалуй, поспешным.

Послышался шум. Из подъезда выскочили мальчишки с брызгалками, видимо, игравшие в пустующем доме.

Увидев джип с треснутым стеклом, стонущих громил, двоих мужчин и обнаженную девушку, мальчишки с жадностью принялись глазеть, но стоило Бурьину сделать шаг в их сторону, как они торопливо прыснули в разные концы.

– Пора уходить! – сказал Алексей. – Если вы, конечно, не собираетесь дожидаться милиции. Я имею в виду, после той истории на памятнике.

– Нет, я никого дожидаться не буду, – решительно заявила девушка. – Вот только одежда... Я слишком бросаюсь в глаза.

– Раньше это вас не очень-то смущало. Ладно, попробуем что-нибудь найти. – Корсаков заглянул в бытовку.

Там было затхло. На полу валялся рваный матрас. Рядом стояли два стакана и пустая водочная бутылка.

– Натюрморт, – сказал Корсаков.

– Нет, натюрморт – это когда продукты, а когда все продукты уже сожрали – это пейзаж, – поправил Бурин, просовывая в дверь свою бородатую физиономию.

После непродолжительных поисков Алексей обнаружил в углу возле плитки несколько оранжевых спецовок. Выбрав из них одну почище, он вынес ее из бытовки.

– По-моему, она новая. Набросьте, пока не доберетесь домой, – сказал он, протягивая ее девушке.

– Угу. – Незнакомка быстро натянула оранжевый комбинезон на голое тело. – Как ярко! Люблю яркие цвета!

– Вылитая «Мисс Стройка», – подтвердил Бурин, озабоченно поглядывая в сторону забора.

– Что случилось? – спросил Корсаков.

– А то случилось, что мою машину надо отогнать, чтобы не светилась. Вас подвезти? Где вы живете?

Лирда помедлила с ответом.

– Я издалека, – сказала она.

– Приезжая? – догадался Корсаков. – Ведь не с неба же вы свалились?

– Нет, не с неба, – поспешно ответила Лирда, мгновенно вспоминая правило номер 199, гласившее: «Никогда не говори аборигенам, откуда ты».

– И денег нет?

– Нет.

Приятель переглянулись.

– Ее нельзя бросать, – шепнул Корсаков.

– Ясное дело, нельзя. Или ее снова очень скоро занесет голышом на какой-нибудь памятник, – согласился Никита.

– Ну что ж, – сказал Корсаков громко, – пойдете пока с нами, а там решим, что делать. Лады?

Девушка неуверенно посмотрела на него, очевидно колеблясь. Где-то в отдалении со стороны переуллка завывала милицейская сирена.

– Хорошо, я с вами, – быстро сказала она, пытаясь припомнить, не существует ли на этот счет какого-либо ограничительного правила.

– Отлично, тогда я к машине. А вы не ждите меня, я адрес тебе говорил! – крикнул Никита, бросаясь к забору.

Подъехавший через минуту милицейский патруль нашел на стройке только джип, а рядом с ним двух стонущих громил.

Обогнув приговоренный к сносу дом, Корсаков и девушка в оранжевом комбинезоне оказались на узенькой сонной улочке со старыми пятиэтажными домами. Даже странно, как такая тихая улочка могла соседствовать рядом с оживленным шоссе. Судя по номерам домов, Никита промахнулся, и им предстояло пройти едва ли не два квартала.

Вдоль улицы и во дворах пятиэтажек густо росли тополя, а рядом торчали ошипанные кусты отцветшей сирени. Корсаков заметил даже покосившуюся зеленую голубятню. Девушка в оранжевом комбинезоне также с любопытством изучала эту тихую улочку. Причем любопытство ее нередко вызывали вещи самые заурядные. Так, почти минуту она разглядывала стайку

воробьев, купавшихся в пыли, потом, случайно ступив босой ногой в лужу, долго смотрела на оставленный на асфальте мокрый след.

– Мы уже почти пришли. Этот дом семнадцатый, а следующий, очевидно, пятнадцатый, – сказал Алексей, пытаясь вспомнить адрес, который называл ему Никита.

Незнакомка ничего не ответила, Корсаков оглянулся и увидел, что, присев на корточки, она ловит на листок подорожника мохнатую гусеницу, отважившуюся переползти асфальтовую дорогу.

– Простите, а как вас зовут? – спросил он, вдруг сообразив, что до сих пор не знает ее имени.

Девушку его вопрос, казалось, немного озадачил, но она быстро ответила:

– Ли... Лидя, Лидия. Лидка. Ведь такое имя есть?

– Есть, – кивнул Корсаков.

– А вас? – спросила Лирда. – Впрочем, дайте я сама отгадаю. Максим?

– Нет, ошиблись, Алексей, – сказал Корсаков, слегка напрягшись. Максимом, кажется, хотела назвать его мама, но отец настоял, чтобы его назвали Алексеем, в честь деда. Когда он рос, мама часто из упрямства называла его Максимом, так он и рос лет до пяти с двумя именами – с мамой Максим, а с отцом Алексей.

Удивительно, что девушка попала так близко.

Завизжали тормоза, и рядом, едва не сбив их, остановилась ярко-красная «БМВ».

– Привет! Не нашли? А я думал, вы давно у Пашки, – крикнул Бурьин, энергично, как чертик из табакерки, выскакивая из машины.

– Мы только что подошли, – объяснил Корсаков. – Задержались по дороге.

– Ну вы и копуши! – поразился Никита. Он полез на заднее сиденье, вытащил какой-то большой пакет и бросил его девушке: – А я уже в магазин успел заехать, лови! Купил тебе кое-что из одежды, размер, разумеется, прикинул на глаз.

– Это все мне? – удивилась Лирда, растерянно заглядывая в пакет. – Но у меня ведь уже есть одежда. Или она не соответствует статусу?

Бурьин незаметно покрутил пальцем у виска.

– Значит, не соответствует, – вздохнула Лирда. – Просто мне грустно расставаться с этим оранжевым. По-моему, он очень мне идет, на меня все оглядываются.

Лирда протянула сверток Никите и потянулась к «молнии» комбинезона.

– Здесь нет памятника, – остановил ее Алексей. – Не будем радовать старушек.

– Поднимайтесь! – Бурьин захлопнул дверцу. – Мы этого Пашку в два счета найдем.

Однако уверенность Бурьина значительно ослабла, когда они вошли в подъезд.

– Вообще-то я тут только пару раз был, и то не совсем трезвый, – задумчиво протянул он. – Пьяный бы я сразу дорогу нашел, у меня интуиция пробуждается, как у почтового голубя.

– Помнишь хотя бы, какой этаж?

Никита посмотрел на друга безо всякого воодушевления.

– Придется проявить немного фантазии, – сказал он. – Там то ли тройка была в номере, то ли единица...

Проявление фантазии, с точки зрения Бурьина, заключалось в том, чтобы трезвонить во все квартиры подряд. В тридцатой квартире никого не оказалось, а в тридцать первой, после того как Бурьин решительно нажимал на звонок целую минуту, в коридоре послышались шаркающие шаги.

– Пашка, это ты? Наконец-то мы тебя нашли! – радостно заорал Никита.

– Я вас не знаю. Что вам надо? – пропищали из-за двери.

Проникнув взглядом сквозь дверь, Лирда увидела крошечную старушку, полную решимости защищать свою маленькую баррикадку до последнего.

– Не бойся, бабуля! Не знаешь, где тут переводчик живет? – успокаивающе провыл Никита в замочную скважину.

Просканировав сознание старушки, Лирда увидела, что та в панике. Бедняжка мелко дрожала и размышляла, что лучше: орать «Караул!» с балкона или спуститься на простынях со второго этажа.

– Хватит с меня! – возмутился Бурьин, подталкивая Корсакова к двери. – Теперь, донжуан, твоя очередь. Общение с красавицами всех возрастов и их престарелыми бабушками – это скорее по твоей части.

– Ты путаешь меня с брачным аферистом. Не слушайте его! – проворчал Корсаков, заметив, с каким опасением и вместе с тем с любопытством покосилась на него девушка.

Запугивать старушку дальше не имело смысла. Они поднялись еще на этаж и позвонили в дверь квартиры номер тридцать четыре. Услышав в коридоре шаги, Корсаков торопливо вытолкнул Бурьина из поля зрения «глазка».

– Исчезни! – прошипел он. – Ты своей кожаной курткой всех старушек распугаешь.

Никита захохотал и, прихватив Лирду, поднялся на один пролет выше.

Дверь открылась. Выглянула молодая женщина в махровом купальном халате. Не успел Алексей и рта раскрыть, как Бурьин радостно скатился по лестнице.

– Да вот же они! Это Ирина, Пашкина жена! А меня вы помните? – радостно заорал он.

– Еще бы. Я хорошо помню того, кто уронил мой сервант, – сухо сказала женщина.

Никита что-то пробормотал, изучая цвет коврика для ног.

– Простите его, этого больше не повторится, – вступился за него Корсаков.

– Конечно, не повторится. Это был *неповторимый* сервант, авторская работа, и хрусталь, кстати, тоже... А это еще кто? Еще один ваш *друг*? – Ирина вдруг ощутимо напряглась, разглядев за широкой спиной девушку в оранжевом комбинезоне. Ее брови удивленно поползли вверх.

Бурьин полюбил хозяйку за талию, быстро увлек ее в квартиру и негромко загудел о чем-то. По мере того как он гудел, лицо Ирины менялось.

...Оставив женщин одних, Корсаков и Бурьин прошли в комнату. Здесь Никита, недоверчиво осмотрев все стулья, опустился на диван.

– Ну и дела, – сказал он. – Влипли мы с тобой, Корсаков, в историю. Клад надо искать, а тут еще эта девчонка. Погоди... Позвонить надо.

Он решительно набрал номер и почти сразу забубнил: «Я знаю... знаю... А без меня нельзя? А если постараться? Что хочешь, то и скажи! Неделек с пару... Выручай, браток! Ну все, давай!»

Повесив трубку, Никита подошел к Корсакову:

– Уф! Я вроде как взял отпуск. Представляешь заявление: «В связи с поисками клада прошу предоставить мне двухнедельный отпуск»?

В комнату заглянула Ирина. Она успела сменить домашний халат на легкое зеленое платье свободного покроя, напоминавшее сарафан.

– Лида принимает душ, – улыбнулась она. – Не хотите чаю?

– Отлично! Перекусить – это всегда кстати! – воодушевился Никита, воображение которого не пожелало останавливаться на чае.

Ирина вздохнула. Кухонную повинность она выполняла привычно, быстро, без ужимок и показной хлопотливости застигнутой врасплох хозяйки. Вскоре на столе возникли тарелка с сосисками, картофельное пюре и салат из помидоров.

– Может быть, подождем хозяина? – на всякий случай спросил Бурьин, в голосе которого явно слышалось: «А может быть, не надо?»

Минут через пятнадцать появилась Лирда. Она была в золотисто-коричневом костюме из натурального шелка и туфлях на низком каблуке. Никогда прежде переход от утенка к лебедю

не осуществлялся так внезапно. От оранжевого комбинезона не осталось и следа. Словно бы их недавняя знакомая неуловимо повзрослела, стала суше, ироничнее и недоверчивее. Теперь это была скорее энергичная, преуспевающая москвичка из тех, что передвигаются в основном на машине и плохо знают схему метрополитена.

Лирда улыбнулась.

– Я ничего не упустила? – спросила она.

– Все отлично, даже более чем, – искренне сказал Корсаков.

Даже Ирина, казалось, была слегка удивлена подобным превращением.

– Позволь, – пробормотала Ирина, вглядываясь в лицо девушки, – но твои глаза... Разве они были зеленые?

Лирда растерялась, но на помощь ей немедленно пришел Никита.

– Глаза, глаза... Я, например, никогда не замечаю, какие у женщины глаза! – заявил он.

– Как это не замечаешь? – удивилась Ирина.

– То есть я, конечно, замечаю, есть у женщины вообще глаза или нет, но какого они цвета – это для меня слишком тонко. – И, потеряв интерес к разговору, Никита вплотную занялся сосисками.

– Вы голодны? – Корсаков встал и подвинул Лирде стул.

Девушка некоторое время смотрела на салат, не решаясь дотронуться до вилки.

– Выглядит вкусно, – сказала она.

– Ешь-ешь! – Ирина торопливо придвинула к ней тарелку. – Тебе нужно поддерживать форму.

Лирда вздрогнула и торопливо склонилась над тарелкой.

Павел был из породы тех высоких, худых, широкоскулых, слегка суетливых, чрезвычайно добрых и рассеянных людей, которые вечно теряют ключи, очень мягки и милы, но в то же время, когда дело касается их любимого дела, способны проявить необыкновенную твердость и упорство, граничащее с крайним упрямством.

– Ничего особенно сложного. Обычный простенький шифр, – сказал он, разочарованно взглянув на листок. – Я его за полночи расколю.

– Вот и чудесненько! А начать можно прямо сейчас, – обрадовался Никита.

Павел смутился.

– Я бы с удовольствием, но вы даже представить себе не можете, как рано встают эти голландские фермеры.

– Фермеры?

– Ирина устроила меня переводчиком на выставку. Голландский племенной скот. Я весь провонял свинарником... Ну да ладно, давайте сюда свою бумажку!

– За это я тебя и люблю! – расчувствовался Бурьин. – Смотри, Лешка! Настоящий русский человек, не колбаса ливерная какая-нибудь!.. Не смотаться ли мне, кстати, за пивом?

Глава VI

Форма для Грзенка

Грзенк осознал, что волнуется, увидев, что его третье ложнощупальце завязалось морским узлом. Уже двадцать часов от Лирды не поступало никаких известий. Кнорс также куда-то запропастился, и, несмотря на все усилия, наладить с ним связь не удавалось даже посредством умерших родственников.

Правда, на мгновение Грзенку показалось, что он нашупал кнорса где-то над Андами, но почти сразу же потерял его. Хищник сделался совсем неуправляемым. «Только бы он не вздумал охотиться», – забеспокоился Грзенк и в который раз пожалел, что выпустил его из контейнера.

Чтобы успокоиться, ворчливый папаша непоседливой дочки погрузился в ванну с азотной кислотой, приятно размягчавшей его роговую чешую, и постарался расслабиться.

Наконец-то наступил долгожданный покой. Не для его расшатанных нервов вся эта свистопляска. Хорошо бы впасть в спячку циклов эдак на пяток, но пока Лирда находится на этой ужасной планете, едва ли это реально. Приходилось ограничиваться кратковременным отдыхом. Грзенк отдал приказ автопилоту взять управление и разбудить его не позднее, чем звездолет совершит два полных оборота по орбите Плутона.

«Может, к тому времени Лирда выйдет на связь или кнорс обнаружит ее и возьмет под защиту», – решил Грзенк и, произведя блокировку сознания от тревожных мыслей, заснул.

Но выспаться не удалось. Прадедущке Бнургу приспичило втиснуться к нему в сознание именно в эту ночь, и это несмотря на то, что беспокойный старик уже циклов пятьдесят, как погиб. На этот раз прадедущка избрал для появления форму животного, называемого на Земле собакой. Большая лохматая дворняга развесила уши и почесала задней лапой грязный живот.

– Блохи, – пожаловалась она.

«Что за нелепая любовь к превращениям?» – подумал Грзенк.

– Э-э... Зачем ты пришел, дедушка? Что нарушило твой покой? – спросил он, ловя себя на том, что всегда говорит с призраками выпренно.

– Ав! Великое Нечто близко, – сообщил пес. – Оно совсем рядом.

– Рядом с кем? – зевнул Грзенк, всегда равнодушно относившийся к пророчествам.

Поняв, что вздремнуть не удастся, он уныло вытащил клапан и выпустил из ванны азот. Пес подошел и несколько раз лизнул лужицу.

– С Лирдой, естественно, – сказал он.

– ЧТО?! – Едва услышав имя дочери, Грзенк взвился, как ракета, переменяя сотню форм – от тушканчика до черепахи.

Бнург, высунув язык, сочувственно наблюдал за ним.

– Не переживай, с ней все в порядке. Великое Нечто не причинило нашей девочке вреда. Пока не причинило, – уточнил он.

– Великое Нечто! О боже! Как оно выглядит? Как его остановить? – выдохнул Грзенк, переставая метаться по спальному отсеку.

– Ты задаешь слишком много вопросов. Поверь, существуют вещи, которые и мне неизвестны. – Дворняга понуро поджала хвост.

– Так что же мне делать?

– А ничего... Зачем ты выпустил кнорса? – вместо ответа спросил Бнург.

– Я хотел помочь.

– И помог?

Грзенк смиренно вскинул щупальца. Рядом с прадедушкой он до сих пор чувствовал себя не в своей тарелке. Старик угнетал его своим апломбом.

– Ты хочешь знать, что тебе делать? Ты должен отправиться на Землю и быть рядом с Лирдой, охраняя ее, – строго сказал Бнург, вглядываясь в правнука преданными собачьими глазами. – Но учти, она не должна об этом знать. Только не спрашивай почему: есть многие вещи, о которых мы, покойники, никогда не рассказываем живым.

– Может, безопаснее будет ее вернуть? – спросил Грзенк. – Отозвать с планеты?

Пес зарычал:

– Нет, нет и еще раз нет! Теперь Великое Нечто и Лирда в одной упряжке. Повернуться к битве спиной – не значит выйти из битвы.

– Учти, я не хочу рисковать дочкой.

– Пока ты рядом, она в безопасности. Великое Нечто уже разбужено, теперь ничего не изменить.

– А ты не можешь сделать все сам, не подвергая опасности нас с Лирдой?

– Не забывай, что я уже умер, – напомнил Бнург. – Теперь твоя очередь действовать, Грзенк.

– Великое Нечто... Так, значит, оно все-таки существует! Как я его узнаю?

– Узнаешь, когда придет черед! Будь с ней рядом, тайно! Прощай! – Дворняга подняла заднюю лапку, сделала лужицу и исчезла.

– Да, кстати, постарайся найти Великое Нечто раньше, чем оно найдет тебя! – прозвучало в воздухе.

Проворчав что-то про выжившего из ума старика, Грзенк не обрел спокойствия. Он попробовал еще раз связаться с кнорсом, но вместо кнорса наконец откликнулась Лирда, приславшая ему мыслесообщение:

«Со мной все в порядке. Аборигены дружелюбны. Видела ползонога – невероятно, тут он еще сохранился! Меня едва не размножили принятым здесь методом. До встречи, Лирда».

Уже после этого мыслепослания, прежде чем Лирда успела перестроить сознание, Грзенк уловил обрывок беседы. Очевидно, дочка параллельно разговаривала с кем-то.

– Лидочка, вы недавно в Москве? Где вы жили раньше?

– В Орле. А почему они так долго в кабинете?

– Переводят. Думаю, лучше им не мешать.

– Можно еще чаю?

– Да, конечно. Как странно, вы выпили уже восемь чашек.

– В самом деле? Я плохо переношу жару.

Голоса внезапно исчезли. Очевидно, Лирда спохватилась и перекрыла канал связи. Грзенк на всякий случай перевел подслушанный диалог и обнаружил в нем мало утешительного. Кажется, для поддержания упругости формы Лирда нуждается в повышенном потреблении жидкости, но это не составляет проблемы, так как большая часть планеты покрыта соединением водорода и кислорода. Хуже другое – Лирда до сих пор не подозревает о присутствии Великого Нечто, а он, Грзенк, не может предупредить ее об этом напрямую, потому что последовавший за этим эмоциональный всплеск у Лирды может спровоцировать Великое Нечто к нападению. «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом!» – печально вздохнул Грзенк, невольно приходя к такому же умозаключению, как и тезка поэта Пушкина.

Вспомнив совет Бнурга быть рядом с Лирдой и незаметно оберегать ее, Грзенк торопливо перебрал все формы из земного каталога. Большинство из них привело его в ужас. Некоторые из более или менее симпатичных, например, тираннозавр-рекс или африканский слон, к сожалению, не подходили для тайного наблюдения. Другие же, вроде вируса гриппа или пингвина, были слишком малоподвижны.

Наконец, когда Грзенк окончательно впал в уныние, ему попалась одна очень неплохая форма. У нее было шесть ножек, что почти соответствовало числу щупальцев самого Грзенка, она была проста в управлении, компактна и привычна для местных обитателей.

«Вот то, что мне нужно!» – обрадовался Грзенк. Он произвел быстрое изменение массы тела и вполз в телепортатор и...

– Ой, таракан! Совсем обнаглели, даже днем ползают! – Ирина запустила в стену тапкой.

«Ну вот я и на Земле», – с грустью подумал Грзенк, шустро заползая за шкафчик, где его было не достать.

Осторожно высунувшись, он увидел за столом Лирду, а напротив нее энергичную темноволосую самку-женщину, едва не лишившую его жизни в первую же секунду появления на планете. Неудивительно, что старик сразу проникся к ней неприязнью. Больше всего Грзенка раздражали ее белые узкие ладони с накрашенными рудиментами когтей. «Какая же все-таки безобразная у них форма! Не понимаю, как Лирде она может нравиться!» – ужаснулся он.

Грзенк стал настраивать слуховые датчики на восприятие человеческой речи, но неожиданно сзади послышался шорох. Грзенк испуганно оглянулся. К нему, заинтересованно шевеля усами, направлялась большая тараканиха. Она была очень толстая, очевидно, беременная. Не представляя, что она от него хочет, Грзенк на всякий случай забрался на банку, но края банки оказались скользкими, и бедняга шлепнулся на вымазанное чем-то сладким дно. Варенье!

Пришелец в панике завозился, выдирая из варенья лапки. Было бы глупо найти здесь свой бесславный конец, когда где-то рядом, неведомое и загадочное, находилось Великое Нечто.

Тараканиха сочувственно наблюдала из-за стекла, как ее соплеменник лихорадочно пытается вырваться из плена. Впрочем, ценой невероятных усилий ему это удалось. Цепляясь липкими лапками за стенки, он выбрался и отполз подальше от ужасной трясины. Хотя варенье на его лапках пахло вкусно, после всего пережитого Грзенку оно было противно.

– Какие у вас дальше планы, Лидочка? – услышал он голос женщины. – Что вы собираетесь делать в Москве?

В поисках ответа Лирда протиснулась в телевизионный канал и нашла какую-то мыльную оперу.

– Думаю найти работу, снять дом и пожить здесь некоторое время, – повторила она низким грудным голосом. – Роберто не должен знать, что я здесь, прошу вас, донна Матильда.

– Донна Матильда? И ты это смотришь? – Женщина засмеялась. Зубы у нее были очень крупные и белые.

Тараканчик Грзенк даже поежился, на мгновение усмотрев в ее смеющемся зубастом рту отражение Великого Нечто. Но тотчас его опять отвлекла тараканиха. Толстуха незаметно подкралась сзади, пока он занимался наблюдениями, и принялась сладострастно собирать с его лапок и спинки остатки варенья.

Передернувшись от омерзения, Грзенк немедленно оттолкнул ее, так что она едва не перевернулась на спинку. Тараканиха обиженно зашевелила усами и уползла. «Побежала звать на помощь!» – с беспокойством подумал Грзенк. И правда, почти тотчас из-за шкафчика выползли два крупных таракана и стали надвигаться на него.

«Мафия! У них тут вся территория поделена!» – возмутился Грзенк, поспешно переползая за занавеску. Один из агрессивно настроенных тараканов-мафиози пополз было за Грзенком, но, не удержавшись, сорвался вниз.

– Так будет с каждым! – патетически воскликнул Грзенк.

Опасаясь, что он может потерять Лирду, заботливый папочка стал осторожно спускаться по занавеске, надеясь незаметно залезть дочери в карман. Он успел как раз вовремя.

– Что-то они там засиделись. Я, пожалуй, пойду, – сказала Лирда, поглядывая на дверь.

Внезапную тревогу она почувствовала еще минуту назад, но лишь теперь поняла ее причину. Напротив окна сгущалась небольшая черная тучка. Знакомые очертания!

«Неужели отец выпустил кнорса? Да, так и есть... Это чудовище мне все испортит!» – с тревогой подумала она.

Лирда попыталась телепатически связаться со звездолетом, но Грзенк почему-то не ответил. Еще бы – в это мгновение он примерялся, чтобы спрыгнуть со шторы прямо на плечо дочери!

– Постой, куда ты? – воскликнула Ирина, пытаясь мягко придержать Лирду за рукав. Лирда торопливо отпрыгнула: кнорс мог воспринять это прикосновение как нападение.

– Не дотрагивайтесь до меня! Мне нужно бежать! – крикнула она и бросилась к двери.

Грзенк всеми силами старался удержаться у нее на плече, на ходу трансформируя свою тараканью форму в форму мухи. Через минуту Лирда уже со всех ног мчалась по улице. За ней по чистому небу медленно ползла темная тучка. Если приглядеться, в ней можно было различить два небольших отверстия, сквозь которые проглядывало голубое. Отверстиями этими были пустые, но всевидящие глазницы кнорса.

Глава VII

Казино

Увидев, что туча цепко следует за ней, Лирда окончательно убедилась, что не ошиблась. Это действительно кнорс. Значит, отец не сдержал слова и активизировал стража. Интересно, какой приказ он ему отдал: оберегать по мере сил, избегая прямых контактов, или защитить любой ценой и любыми средствами? Зная отца, Лирда скорее склонялась ко второму варианту.

Бедняга Грзенк, неужели он не понимает, что здесь, на Земле, кнорс может только навредить? Исследовательница должна оставаться незамеченной, а разве это возможно, когда любой прохожий, случайно задевший ее плечом в толпе, того и гляди превратится в пепел? Что уж тут говорить о свиданиях? Они теперь станут опаснее любой вендетты. Только любящий папочка способен подложить ей такую грандиозную свинью!

Лирда тихо возненавидела кнорса и твердо решила во что бы то ни стало от него избавиться. Нырнув в ближайшую арку, она помчалась по подворотням. Черная туча следовала за ней по пятам.

Замедлив шаг, Лирда огляделась, определяя, в каком месте Москвы она оказалась. Справа от нее был памятник Тимирязеву, возле которого несколько рабочих в оранжевых жилетах долбили ломами асфальт, а рядом валялся неисправный отбойный молоток. Слева находился магазин «Ткани», а над ним поднимался ряд балконов, увитых виноградом. На одном из балконов торчала круглая тарелка спутниковой антенны.

Рабочие, остановившись перекурить, стали посматривать в ее сторону. Один из них улыбнулся Лирде и помахал ей рукой. Лирда быстро перебежала улицу, опасаясь, как бы кнорс, отличавшийся повышенной мнительностью, не вспылит. В противном случае от бедняг остались бы только три дымящихся лома и большая дыра в асфальте.

Перепрыгнув через невысокое ограждение, Лирда оказалась у здания ТАСС. Сопоставив название улицы с подробной картой Москвы, Лирда пришла к выводу, что находится на пересечении Тверского бульвара с Большой Никитской. Думая, как же ей все-таки избавиться от кнорса, Лирда направилась в сторону Театра Маяковского. Протиснувшись между сонной девчонкой-продавщицей у книжного лотка и страдающим от жары сержантом милиции, пытающимся опознать террориста в китайском студенте, и ухитрившись назло кнорсу не задеть ни первую, ни второго, ни третьего, Лирда оглянулась и, задрав голову, показала кнорсу язык. Тот равнодушно продолжал торчать в небо.

Тогда, разозлившись, инопланетянка послала ему мысленный приказ убраться восвояси и оставить ее в покое, в противном случае пригрозив зашвырнуть его на раскаленную звезду охотиться за солнечными зайчиками.

Возле уха Лирды в который уже раз суетливо пронеслась большая муха. Девушка досадливо попыталась ее прихлопнуть.

«Подняла руку на отца? Родная дочь!» – патетически подумал Грзенк.

Почувствовав, как напрягся кнорс и вытянулось в прямую линию его туманообразное тело, Грзенк поспешно отправил ему новое описание своей формы. Конечно, кнорс должен был узнать его, но, с другой стороны, стоит ли переоценивать мозги примитивного хищника?

Теперь, когда с кнорсом был налажен телепатический контакт, можно отдать ему приказ вернуться на звездолет, но, хорошенько подумав, Грзенк решил этого не делать. Великое Нечто где-то здесь, совсем близко, невидимое, затаилось. Оно могло оказаться кем угодно и чем угодно: целым кварталом домов или даже плевком на асфальте.

Опасность была везде и всюду, ибо никому из мрыгов (так назывался их немногочисленный народ) не было известно, как выглядит Великое Нечто и чего от него ожидать. Легенда об

этом многозначительно умалчивала. Но если Великое Нечто все же вздумает напасть, только мгновенная реакция кнорса даст им шанс к спасению.

Лирда дошла до университетского храма мученицы Татианы, повернула на Моховую и, пройдя мимо журфака, повернула в сторону Нового Арбата. Она шла без особой цели, не чувствуя усталости и не глядя по сторонам. У газетного киоска девушка заинтересованно остановилась. Разговор двух девочек лет десяти-одиннадцати показался ей таинственным и непонятным.

– И никто не знает, что там? – спрашивала одна, с огрызком светлой косички. – Никто-никто? Не знают даже, как выглядит?

– Ну почему, кто-нибудь, наверное, знает. Например, один мой знакомый, он их чувствует, – снисходительно отвечала другая, чуть постарше на вид. – Хотя, конечно, это полная неизвестность. Лучше ты их не покупай, проще поменяться.

Светлая косичка грустно вздохнула.

– А я очков не ношу, – вдруг сказала она. – А если нужно что-нибудь рассмотреть, подношу к глазу кулак и смотрю через маленькую дырочку. И все хорошо видно.

– А еще можно глаза растягивать, тогда тоже видно.

Лирда предусмотрительно нырнула в киоск, едва не наступив на спящего бомжа в зимнем пальто. Записанный разговор девочек она отправила для анализа главному мыслительному блоку звездолета. Кажется, некоторые земляне, подумала она, обладают способностью к познанию Великого Нечто. Если бы не кнорс, она бы обязательно вступила с этими юными аборигенками в контакт и попыталась бы выяснить побольше.

В очередной раз Лирда попыталась связаться с Грзенком, чтобы он отозвал кнорса, но отец не ответил.

«Наверное, снова впал в спячку!» – раздраженно подумала Лирда.

Она перешла оживленный перекресток у кинотеатра «Художественный» и у почтамта свернула в тихий дворик к бывшему дому графа А. П. Толстого, в стенах которого умер Николай Гоголь.

У памятника великому писателю она обнаружила скамейку и присела, чтобы обдумать, как ей поступить дальше. Расплывчатая черная туча замерла над ее головой, а уже знакомая читателю муха уселась на нос Гоголю.

Но Лирде не суждено было посидеть в одиночестве – хотя бы и в ложном, – в тихий дворик зашли две старушки и со вздохом облегчения направились к скамейке. Лирда отодвинулась на самый край, увидев, как черная туча стала злоеце вытягиваться.

«Опасности нет! Успокойся!» – как можно строже приказала она кнорсу, но уверенности, что он понял, у нее не было.

Старушки опустили на лавочку и поставили рядом сумки.

– Дура ты, дура! – горячо говорила одна старушка другой. – Зубы-то надела и теперь вот говорить не можешь! За едой и надевай! Пожевала и сними! Не гордись!

Вторая старушка в платочке радостно заулыбалась.

– Не можешь говорить, не можешь! – продолжала ее подруга. – Думаешь, раз зубы надела, красивая стала? Влюбится кто в тебя? Дура ты, дура!

Но старушке в платочке, видно, сложно было испортить настроение. Она продолжала счастливо улыбаться, чем ужасно раздражала свою подругу.

Внутренним зрением Лирда увидела, что в этой улыбчивой старушке, несмотря на изношенное биологическое тело, много неизжитой радости и интереса к жизни. Девушке даже показалось, что, измени она сейчас ее форму на форму шестнадцатилетней девочки, верни ей молодость, та, ничуть не удивившись, с восторгом начала бы жизнь заново, в то время как ее сердитая подруга уже полностью окостенела в своей старости и никакое изменение формы тут не спасет.

Лирде пришла в голову кощунственная мысль, что души изначально бывают разные: смертные и бессмертные, или, может быть, все души бессмертные? Но тогда душ на всех просто не хватает, и некоторые люди существуют, так сказать, в усеченном «бездушном» варианте...

Лирда спохватилась – думать сейчас об этом не время, ведь пока кнорс рядом, она представляет для всех землян смертельную опасность. Поэтому девушка быстро встала и направилась в глубь двора.

Вынырнув на Новом Арбате позади почтамта, она пошла вдоль шоссе в сторону магазина «Мелодия». Внезапно Лирда почувствовала, как по лбу у нее скатилась бисеринка пота. Для поддержания упругой формы ей необходима была вода.

Лирда подбежала к киоску, где за стеклом в изобилии были выставлены пластмассовые бутылки. В киоске сидела ленивая восточная женщина с усиками и играла в «Тетрис».

– Дайте мне, пожалуйста, воды, – попросила у нее Лирда.

Продавщица неохотно отложила игрушку:

– Какую? «Боржоми»?

– Что-нибудь похолоднее.

– Тогда «Фанту». – Продавщица достала большую бутылку и, продолжая держать ее в руках, выжидательно посмотрела на Лирду. – А платить кто будет, девушка? – поинтересовалась она.

Изнывая от жажды и понимая, что без воды начинает терять форму, Лирда быстро просмотрела память. «Платить, деньги, средства обмена, курсы валют» – мелькали заголовки сведений.

Продавщица поставила бутылку обратно на витрину и захлопнула окошко.

Лирду охватило отчаяние. Она поддерживала человеческую форму с огромным усилием, еще немного – и черты лица у нее станут расплываться. Что же делать? Конечно, можно было просто схватить бутылку и уйти, а кнорс уничтожил бы продавщицу прежде, чем та успела бы крикнуть, но это непорядочно. Другой выход – скорректировать массу и трансформироваться в более мелкую экономичную форму. В этом случае для землян она попросту исчезла бы посреди улицы, а на асфальте осталась бы лежать одежда и больше ничего.

Склоняясь в пользу второго, Лирда на негнущихся ногах стала отходить от киоска. Она решила найти закуток между домами и там трансформироваться. Неожиданно за ее спиной прозвучал мужской голос:

– Вам плохо? Еще бы, такая жара!

Инопланетянка обернулась и увидела невысокого толстячка. Вид у него был самодовольный, как у выставочного поросенка. Несмотря на потеки пота под рукавами футболки, от него приятно пахло дорогим дезодорантом. Толстяк крутил на пальце брелок с автомобильной сигнализацией и сочувственно поглядывал на Лирду.

– Купите мне воды! Скорее! – прошептала она.

Толстяк оказался сообразительным. Не переспрашивая, он бросился к ближайшему киоску и почти сразу вернулся с большой бутылкой пепси. Лирда выхватила у него бутылку, сорвала пробку и жадно начала заглатывать прохладную жидкость. Толстяк с изумлением наблюдал, как у него на глазах пустеет двухлитровая бутылка. По мере того как пепси становилось все меньше, Лирда ощущала, как ее тело приобретает прежнюю упругость. И вот наконец она швырнула пустую бутылку на газон.

– Похоже, вы давно не пили, – сказал толстяк.

– Вы мне буквально спасли жизнь, – искренне поблагодарила его Лирда.

– Это наш мужской долг... Ведь если мы, мужчины, не будем помогать слабым созданиям, то какие же мы мужчины? Я, кстати, так всегда говорю своим подчиненным... – Толстяк надулся, еще больше начиная походить на поросенка.

– Подчиненным? У вас есть подчиненные? – Лирда мимолетом подняла глаза кверху и убедилась, что кнорс все еще здесь. «Скотина! Небось, когда я умирала от жажды, он и не почесался», – раздраженно подумала девушка.

Она почти забыла о своем собеседнике, а он тем временем распушил перья, желая понравиться красивой молодой женщине, на пальце которой, как он заметил, не было обручального кольца и к которой в другой раз он и близко подойти бы не решился.

– Я занимаюсь торгово-финансовыми операциями, продаю коттеджи «под ключ», – рассказывал толстяк, поигрывая брелком автомобильной сигнализации и стараясь если не вобрать живот, то хотя бы выпятить грудь. – Конечно, работать нелегко, большая конкуренция, но мне удастся держаться на плаву. Сейчас вот купил маленький домик в Швейцарии, там, знаете ли, экология, горный воздух.

Лирда вежливо улыбалась, а толстяк все говорил и говорил. Чувствовалось, что он болтун редкостный и выговориться ему хочется больше, чем переспать с ней.

– Как вас зовут? – Собеседник вдруг спохватился, что не дает ей и рта открыть.

– А я Константин Львович, Константин Львович Крыжинский. Искренне рад знакомству. – И толстяк попытался поцеловать Лирде руку, но та вдруг неожиданно повисла у него на шее. Толстяк удивленно хрюкнул, одновременно шокированный и польщенный.

– Ну что вы, что вы... Я очень рад. Вы очень хорошая девушка, – бормотал он, чувствуя уткнувшиеся ему в живот округлые груди и нерешительно поглаживая Лирду по спине.

«Подвалило так подвалило», – размышлял он, торопливо свинчивая с пальца кольцо.

Между тем Константин Львович с легким разочарованием обнаружил, что никто на них не смотрит, прохожие спешат по своим делам, и единственное живое существо, созерцающее его триумф, – большая лохматая собака, неизвестно откуда взявшаяся в центре города.

Конечно, Крыжинский не знал, что Лирда только что спасла ему жизнь.

Единственным способом остановить упреждающий удар кнорса было показать этому жестокому стражу, что она сама является инициатором физического контакта. Если бы Лирда не повисла на шее у бедняги прежде, чем он коснулся губами ее руки, от толстяка не осталось бы даже солнцезащитных очков. Девушка только тогда перестала обнимать толстяка, когда убедилась, что вытянувшееся в прямую линию облако приняло привычные расплывчатые очертания.

– Простите, Константин Львович, – сказала Лирда. – Мне иногда трудно бывает сдерживать свои чувства.

– Отчего же... Кхм... Мне понравилась ваша непосредственность. Например, в Дании или Голландии, в странах, с которыми я работаю, – это норма жизни. Вы бывали в Дании?

– Пока нет, – честно призналась Лирда.

Константин Львович вздохнул с легким облегчением и уже бодрее продолжал:

– Так вот, Лидочка, в Дании все совсем по-другому. Там, например, при первой же встрече мужчина может пригласить девушку в кафе выпить кофе или легкого вина... Можно мне пригласить вас в кафе? Здесь недалеко есть замечательное местечко, тихое, интеллигентное...

И Константин Львович замер, очень довольный собой.

– У меня машина, – добавил он, видя, что его случайная знакомая сомневается.

– Машина? О, здесь у меня печальный опыт, – поморщилась Лирда, но, взглянув на жалкое лицо толстячка, позволила тому проводить ее к новенькой белой «Вольво».

Когда Константин Львович, осмелев, взял ее под руку, Лирда опасливо покосилась на кнорса, но тот, видимо, решил не нападать, сочтя толстяка безвредным. Подходя к машине, Константин Львович нажал на кнопку в брелке, и охранная система пискнула.

«Хорошенький денек, – подумала Лирда. – С утра меня едва не изнасиловали, потом спасли, затем я убежала, и вот меня пригласили в кафе. Интересно, у всех землянок такая насыщенная жизнь?»

Уже открывая дверцу, Константин Львович случайно обратил внимание, что лохматая собака с газона исчезла. Впрочем, это был такой пустяк, что Крыжинский сразу о нем забыл.

Вместе с Лирдой в «Вольво» попыталась влететь муха, но замешкалась, и дверца захлопнулась у нее перед носом. Автомобиль поехал по Новому Арбату, направляясь к Москве-реке и далее гостинице «Украина».

Муха попыталась догнать «Вольво», но иномарка ехала слишком быстро. Тогда муха усеялась на крышу туристического автобуса и, не платя за проезд, помчалась следом.

Но муху поджидало разочарование. Автобус с туристами свернул на первом же перекрестке и завез невезучего Грзенка куда Макар телят не гонял. Спихватившись, муха взлетела и торопливо вернулась на шоссе, но белых машин там было так много, что Грзенк заметался, погнался не за тем автомобилем и окончательно потерял Лирду. Кнорса тоже нигде не было видно, и на телепатические сигналы он не реагировал.

Тогда Грзенк сел на ветку клена недалеко от Дома-музея Лермонтова и задумался. Его печальные размышления прервал воробей, попытавшийся полакомиться мушкой. Панически зажужжав, мрыг в ужасе метнулся в первое попавшееся окно...

Тем временем, переехав мост, «Вольво» остановилась на набережной Москвы-реки у причала. Крыжинский помог Лирде выйти из машины. Девушка подошла к ограждению и посмотрела на беспокойную, цвета перестоявшей кабачковой икры воду.

– Здесь купаются? – спросила Лирда.

Константин Львович засмеялся, хотя она спрашивала серьезно.

– Лучше мы с вами потом, Лидочка, в сауну съездим... А пока поужинаем. Видите вон тот корабль? – Ее спутник показал на старый трехпалубный теплоход, намертво пришвартованный к причалу. На его корме переливались яркие буквы «Казино». – Поверьте, хотя тут и написано «Казино», – это очень тихое местечко. В данное время серьезная игра еще начинается, а ресторан здесь просто великолепный, – с видом знатока пояснил Константин Львович.

Пока он ставил машину, Лирда прошлась по набережной. Ее заинтересовал старик с удочкой, ловивший рыбу недалеко от причала и периодически сплевывающий в воду. За его спиной по шоссе проносились машины, что, казалось, совсем его не отвлекало.

– Ну и как рыбка, ловится? – Лирда подошла к нему и стала смотреть на поплавок.

Старик натянул на лоб замусоленный картуз и сплюнул в воду.

К Лирде подбежал запыхавшийся Константин Львович. Теперь он был в белом летнем пиджаке и такого же цвета полотняных брюках. Видно, успел переодеться в машине.

– Еле припарковал, – соврал он, распространяя сильный запах дезодоранта. – Ты не скучала, Лидочка?

В казино они не стали подниматься в игровой зал, а направились прямо в ресторан на открытой палубе.

– Прекрасный вегетарианский ресторанчик! – шепнул Крыжинский.

И точно, из кухни к ним выполз молодой человек, изможденный и тощий, как Кошей Бессмертный. На животе у этого поклонника вегетарианства болтался фартук цвета немытого абрикоса. В руках он держал коричневую папку, которую молча положил перед Лирдой.

Подозрительно взглянув на своего спутника, она открыла папку и, сощурившись, узрела синюю бумажку с отпечатанными на ней вегетарианскими деликатесами:

МЕНЮ

Одобрено Институтом питания и РАПиРП

ХОЛОДНЫЕ ЗАКУСКИ

Салат «Осенняя рапсодия» (дипломатический купаж) 250 г 18 р.

Редис свежий экологический 100 г 23 р.

Репка пареная с брусникой 150 г 28 р.

– А кто такой этот РАПиРП? – спросила Лирда, прерывая ознакомление с гастрономическим документом.

– Российская академия пароварения и рационального питания, – с гордостью пояснил официант.

Лирда продолжила чтение меню:

ГОРЯЧИЕ БЛЮДА

Биточки картофельные (вегетарианская пассеровка)

300 г 45 р.

Гуляш соевый с гречневой кашей (паровое приготовление) 250 г 33 р.

Тыква отварная гастрономическая 250 г 15 р.

Мясо соевое безбелково-обезжиренное 100 г 14 р.

Шашлык кабачковый безмясной 230 г 45 р.

Хлеб из отрубей 100 г 2 р.

Соль бесхлорная, с содержанием йода, за счет ресторана

НАПИТКИ

(цены указаны на 1 стакан – 200 г)

Томатный сок свежедавленный без консервантов 19 р.

Напиток «Язвенник» бруснично-облепиховый 8 р.

Коктейль «Осень патриарха» морковно-яблочный 11 р.

Коктейль «Мечта диабетика» капустно-тыквенный 7 р.

Коктейль «Алкогольный» виноградно-персиковый (крепость 0,05 градуса) 34 р.

Чай укропный 6 р. 50 к.

Дойдя до укропного чая, Лирда с невольной радостью убедилась, что это уже конец. Ниже помещалось только изображение не то гигантской картофелины, не то дыни. Картофеледыня была захватана до неузнаваемости пальцами голодных вегетарианцев.

– Выбрали что-нибудь? – простонал тощий официант.

– Еще нет. Мне бы вот курицу или говядину, – робко сказала Лирда, старательно припоминая, чем питаются аборигены.

Кощей Бессмертный возмущенно всплеснул полотенцем.

– Трупов не держим. Трупы только на кладбище, туда и рекомендую вам обратиться, – с нервозностью очень возбужденной черепахи промямлил он.

– А котлеты?

– Котлеты только морковные. С высоким содержанием каротина.

– А рыбу можно заказать?

– Рыбы в меню нет. Могу рекомендовать кабачковую икру. По питательным свойствам она превосходит лососевую, – забормотал официант, пучеглазо пялясь на какую-то точку над головой Лирды.

В этот момент, на счастье девушки, Крыжинский медленно выплыл из летаргического сна.

– Нам, пожалуйста, репу пареную с брусникой и биточки картофельные. Картофель, надеюсь, не совхозный?

Официант, как смог, изобразил обиду. На его осунувшемся лице возникло нечто среднее между байроническим разочарованием и выражением человека, собравшегося вот-вот чихнуть.

– Картофель парниковый. С экологической фермы в Техасе. Поступает в свинцовых ящиках. Биологически удобренный. Воздух и вода проходили фильтрацию, – сказал он.

– Вот и хорошо.

С усилием ворочая огрызком карандаша, минорный юноша сделал отметку в блокноте и собрался отползти на кухню.

– Пойдите. Есть чего-нибудь выпить? – спросила Лирда.

Официант с готовностью вернулся:

– Выбор самый обширный. Вина, коньяки, другие напитки. Более двухсот наименований. Желаете изучить карту?

– Водочки бы... – робко заказал Крыжинский. – А? Графинчик?

– Графинчика, пожалуй мало, – засомневалась Лирда. Ее потребность в жидкости была намного выше. – Вот если бы литра три...

– Три литра водки? – Официант уставился на толстяка. Тот тоже был удивлен.

– Ты уверена? – осторожно спросил он. Ведь нас только двое.

– Пока двое, но ведь когда-нибудь нас может быть и трое? Ты не думал об этом, милый? – мягко спросила Лирда.

Константин Львович сглотнул.

– Почему бы и нет, – хрипло сказал он официанту.

Официант понимающе кивнул и исчез.

«Все равно она столько не выпьет. Просто проверяет, жадный ли я, – размышлял Константин Львович. – А после того, как она... Можно отвезти ее на дачу».

Пока официант отсутствовал, а толстяк размышлял, как объяснить жене, где он был вечером, Лирда осматривалась.

Посетителей в этот час было немного. Какие-то американские туристы, муж и жена, лет за семьдесят, громко переговариваясь, вонзали искусственные зубы в редиску, рядом сидела скромная девушка-переводчица, ела тыкву и время от времени повторяла «Sure, you are right, ms. Maison».

А за соседним столиком сидели двое мужчин в дорогих костюмах, один из них был с усами, а другой с большой родинкой на щеке. Оба пили, но усатый был совершенно трезв, а тот, что с родинкой, хотя пил меньше, был уже изрядно навеселе.

Лирда, как только появилась в ресторане, сразу почувствовала на себе пристальный взгляд усатого, как будто он видел ее раньше. Она прокрутила в памяти события этого дня, но нет, раньше он ей не встречался.

Тем временем усатый достал из «дипломата» журнал и долго разглядывал фотографию на обложке, то и дело переводя взгляд на Лирду и обратно.

С фотографии на фоне гавайского пляжа с силуэтами яхт на горизонте лазурного океана мило улыбалась очаровательная шатенка с короткой стрижкой. Очевидно, чтобы красавица не казалась пуритански настроенным зрителям слишком уж набожной, на одной ноге у нее был приспущенный чулок.

– Смотри, это же Светлана Петушкова! – проговорил усатый, толкая своего приятеля с родинкой. – Известная русская модель «Плейбоя»!

– Петушкова? Где? – удивилась Родинка.

– За соседним столиком!

– Быть не может! – не поверила Родинка, делая безуспешную попытку сфокусировать взгляд на журнале, но вместо женщины видя там какую-то фигу.

– А я говорю, это она! Похожа потрясающе! Ни за что не поверю, что это может быть случайным сходством.

– Ик... И как ты это выяснишь? – икнула Родинка.

– Пойду приглашу ее за наш столик. Если это действительно Светлана Петушкова, она бросит своего пузыря через минуту. Я умею находить общий язык с такими женщинами. – Усатый встал и, победно улыбаясь, направился к столику Лирды.

– Позвольте угостить вас, – громко сказал он, обращаясь к Лирде. – Мы давнишние поклонники вашего таланта.

– Таланта? – удивилась Лирда. – Не думала, что у меня есть таланты, во всяком случае, известные вам.

– Разве вы не Светлана Петушкова? – Усатый облокотился на стол и заговорщицки подмигнул Лирде. – Присоединяйтесь к нам, у нас гораздо больше общего, чем вам кажется.

– Я не одна, – заволновалась Лирда, не видя, но ощущая, что кнорс, повисший над плавающим казино, вытягивается в прямую линию. – И вы обозначились, я не Курицына.

– Детка, не води меня за нос! Поверь, я знаю, кто ты, а ты скоро узнаешь, кто я. – Усатый приблизил свое лицо к ее лицу. Тебе нужен настоящий мужчина, уверенный, опытный, богатый, а не этот... жирный бурундук.

Оскорбленный Константин Львович, все это время возмущенно глотавший воздух, вскочил.

– Она со мной! – крикнул он срывающимся голосом и схватил усатого за лацканы пиджака. – Думаю, вам лучше уйти. А то... а то я за себя не ручаюсь!

Усатый выпрямился во весь свой немалый рост и навис над Константином Львовичем. Тот торопливо отпустил его пиджак и попятился.

– Да знаешь ли ты, по какому острию бритвы ходишь? – медленно и страшно произнес усатый. – Ах ты, заплывшая жиром лысая козьявка!

Константин Львович неожиданно для себя подскочил, шлепнул усатого ладонью по щеке и зажмурился, ожидая расправы. Но ничего не происходило. Толстячок осторожно открыл вначале один глаз, потом второй и огляделся. Усатого нигде не было видно, только слышалось барахтанье в воде. Приятель усатого, который с родинкой, моментально протрезвев, отступал к двери, опасливо поглядывая на толстячка.

– Ч-что случилось? – спросил Крыжинский.

Лирда охотно объяснила ему, что его удар оказался таким мощным, что усатый подлетел почти на метр, перекувырнулся в воздухе и, перелетев через борт, упал в воду.

– Правда? – протянул толстячок, с ужасом глядя на свою руку. – Конечно, я занимался в институте волейболом...

– Вы прирожденный боксер! С вами любая женщина чувствует себя как за каменной стеной, – восхищенно сказала Лирда.

Она перегнулась через борт и заметила, как усатый, истекая ручьями, выбирается животом на причал. Вытянувшееся облачко принимало обычную форму. На этот раз кнорс ограничился силовым лучом, очевидно, потому, что опасность физической расправы грозила скорее толстяку, нежели Лирде.

Подошел официант с большим запотевшим графином и двумя пузатенькими рюмочками на подносе.

– Русский напиток, – сообщил он, – рекомендую. Кристально чистый, с лимоном. Ровно три литра.

Он поставил графин и покосился на опустевший соседний столик.

– Как? Ваши соседи уже ушли?

– Я их вышвырнул! – объяснил толстяк с равнодушным видом профессионального спортсмена. – Они позволили себе грязные намеки в адрес моей дамы. Разумеется, я не смог им этого спустить.

Официант чуть приподнял брови:

– Неважно. Они уже заплатили. Сейчас я принесу вам ваши биточки.

Константин Львович, испытывавший острую потребность отметить свою победу, налил себе рюмочку.

– И мне тоже, – попросила Лирда. – За знакомство и за ваш героизм.

Они чокнулись. Толстяк залихватски крикнул и, поморщившись, опрокинул рюмочку. Думая, что это такой ритуал, Лирда тоже выпила жидкость и на всякий случай крикнула. Этот напиток понравился ей чуть больше, чем пепси-кола, хотя, конечно, он не шел ни в какое сравнение со стопроцентной азотной кислотой, которую они пили на звездолете.

Не делая перерыва, она налила себе подряд еще две рюмки и опрокинула их одну за другой, не забывая крикнуть. С большим удовольствием она пила бы прямо из графина, но, видно, так было не принято. Во всяком случае, американская чета и их переводчица смотрели на нее с ужасом.

– Лидочка, что вы делаете? – Толстяк отодвинул от нее графин. – Вам не будет плохо?

– Почему мне должно быть плохо? Как раз мне очень хорошо, – удивилась Лирда.

Она ухватила за горлышко графина, и некоторое время они занимались его перетягиванием. Наконец толстяк разжал пальцы. Лирда выпила четвертую рюмочку и крикнула.

Из дверей кухни с нездоровым любопытством выглянул Кощей Бессмертный. По его синему лицу шмыгали злодейские тени. В одной руке он держал красную в белый цветочек тряпку, а в другой руке у него был зажат бутерброд с колбасой, который он жадно уплетал. То, что колбаса изготовлена из трупов, как видно, ничуть его не смущало.

«Боже! Какое вероломство! Ах ты, трупоед чертов!» – подумала Лирда, пожирая бутерброд голодным взглядом.

– За знакомство! За вас и за нас! – Она произнесла еще несколько тостов за мужество толстячка, и графин опустел почти наполовину.

«Как можно столько пить? – думал толстячок. – Но как она на меня смотрит, какие глаза! Обязательно отвезу ее на дачу! А жене скажу – был на дне рождения у тещи Турляева. Она ее ненавидит и проверять не будет».

Попытавшись угнаться за Лирдой, Константин Львович выпил еще две-три рюмки, и мысли у него стали смешиваться.

Он разоткровенничался и признался Лирде, что женат, у него пятнадцатилетняя дочь и что никакой он не директор фирмы, торгующей недвижимостью, а всего лишь разъездной

агент-оценщик, работающий в этой фирме и получающий четыре процента от сделки. Еще Лирда узнала, что дом в Швейцарии купил не он, а какой-то знакомый его шефа, а у самого Константина Львовича дома нет, но зато есть дача по Савеловскому направлению.

Огорченный своим признанием, Константин Львович выпил еще рюмочку русской, после которой ему вдруг вообразилось, что он гусар, и вздумалось пройти по перилам. Но Кощей стащил толстяка с перил, обосновывая это тем, что тот еще не заплатил, а незаплатившим посетителям тонуть строго воспрещается. Константин Львович в ответ с презрительным смехом швырнул в официанта бумажником, а потом с видом подстреленного на дуэли Ленского обрушился на пол.

Воспользовавшись, что на нее никто не смотрит, Лирда быстро допила остававшуюся в графине водку прямо из горлышка.

Потом она встала и направилась к выходу из казино. Но перед тем как уйти, она наклонилась и тепло поцеловала в лысину уснувшего Константина Львовича.

– Не волнуйтесь, мы о нем позаботимся. Не впервой. Есть тут у нас каютка с раскладушкой, до утра отоспится, – заверил Лирду Кощей, провожая ее до причала. – Вас подбросить? – предложил он.

– Нет, мне здесь недалеко, – отказалась Лирда и стала подниматься по ступенькам причала.

Черная тучка, уже почти неразличимая на фоне вечеряющего неба, ползла за ней.

А Константин Львович спал на раскладушке, подложив руки под голову, и ему снилось, что он у себя на даче по Савеловскому направлению обнимает прекрасную незнакомку. Во сне он сладко улыбался.

Глава VIII

Тайна плакальщика

– Сколько можно повторять! Я не знаю, почему она убежала! – раздраженно сказала Ирина. – Она взвилась, крикнула: «Не трогайте меня!» и выскочила... Не такая уж я мегера, чтобы ее прогонять.

– Наверное, запоздалый шок. Такое бывает, – прогудел Никита. Он повернулся к Корсакову и спросил: – Ты огорчен? Мне кажется, она начинала тебе нравиться. Да и неудивительно, если вспомнить ее первое появление на сцене – как Венера из раковины – нагая, в одной лишь морской пене.

– Я огорчен? С чего ты взял? – сухо перебил его Алексей.

– Нет, я просто так, – поправился Бурьин, миролюбиво выставя вперед ладони.

Между тем Корсаков подумал, что Никита был прав. Если он еще и не привязался к Лиде, то был, во всяком случае, на пути к этому. Она показалась ему сильной и незащищенной одновременно. Было в ней нечто, пробуждавшее интерес: и какая-то скрытая тайна, и мудрость, и ее способность угадывать мысли, хотя порой она вела себя как ребенок. Но, с другой стороны, то, что она исчезла раньше, чем он успел увлечься, возможно, и к лучшему.

– У нее нет ни копейки денег, и я не уверен, что в Москве она кого-нибудь знает, – сказал он. – Если она к вам вернется...

– Разумеется, – догадалась Ирина. – Вам позвонить, если она появится?

– Да... Хотя лучше нет.

В коридор высунулся Павел и крикнул:

– Готово! Расшифровал!

Они бросились в кабинет. На экране компьютера слева были таинственные значки, а справа напротив них перевод.

«2л3з1ь7 554чь 553 4ьр 1ч7, 4 9л1к1льщ7к! бы 2ь3рбь 94з551л, в 6363
24 кры61 61й551. У91в 2 553632, в зь3лз 31рыб 2у55дук. 7щ7, 551йд3шь, быбь
ь4ж36, 554 4264р4ж355 б2дь. 9324к уж 2ы9л362я.
9р4щ1й, 4 9л1к1льщ7к, бы 264й 551 26р1ж3 61й55ы!»

– Тупейший шифр, – сказал Павел. – Разведчиков за такие убивали на месте, чтобы не позорили профессию. Часть букв осталась на местах – другую часть заменили на цифры. Вся трудность сводилась только к подсчету вероятностей. Например [1] – это [а], [2] – [С], [3] – [Е], [4] – [О], [И] – [7], [П] – 9, [Т] – [б] и так далее... Некоторая сложность только с числами выше 10. Мне пришлось поломать голову, пока я понял, что сочетание 55, например, означает [Н]. Но не буду вас утомлять. Вот перевод.

«Слезамы ночь не омрачи, о плакальщик! Ты смерть познал, в тебе сокрыта тайна. Упав с небес, в земле зарыт сундук. Ищи, найдешь, быть может, но осторожен будь. Песок уж сыплется. Прощай, о плакальщик, ты стой на страже тайны!»

– Неужели ты думаешь, что эта белиберда что-то означает? – поинтересовался Бурьин, когда они сели в машину.

– У меня для тебя хорошая новость. Ты ведь любишь ходить в музеи? – спросил Алексей. Никита с тревогой уставился на него:

– Я?

– В таком случае крепись: завтра мы едем в музей.

Никита вздохнул и вставил ключ в замок зажигания.

– Федька вон тоже ходил, и чем все это закончилось... Лучше бы сходили в зоопарк. Там есть такая горилла, видел бы ты ее рожу – вылитый я! – грустно сказал он, трогая машину с места.

Изредка из зелени раскинувшихся у дороги кленов выплывал загадочный круг света от фонаря. Темные громады домов справа и слева создавали ощущение, что они проносятся на лодке по узкому дну каньона. Корсакову это напомнило его студенческие путешествия по Истре.

– Почему ты никогда не ходил с нами в поход на байдарках? – спросил он Бурьина. – Вечерами бывало очень романтично. Девушки, шашлыки.

– Ага... И еще комары, и слепни, и на горшок в кустах, – проворчал тот.

Они выехали на Садовое кольцо. Машин на шоссе в этот час было мало, но неожиданно послышался оглушительный рев, и, низко пригнувшись к рулю, их обогнал на мотоцикле парень в кожаной куртке.

Не успел гул мотоцикла затихнуть в отдалении, как по той же полосе с воем промчалась реанимационная «Скорая помощь».

– Эскорт? – усмехнулся Бурьин.

«Кто бы говорил», – подумал Корсаков, вспомнив, как приятель сегодня днем обгонял грузовики.

На другой день, проснувшись около часу дня, Корсаков услышал плеск, и из ванной на мгновение вынырнуло все в мыльной пене лицо Бурьина.

– Решил сбрить бороду! Кстати, бритву я взял твою, не возражаешь? Сейчас смою! Ой, мама! Ну разве я не симпатягунчик? Пол-лица загорело, а весь подбородок белый! – похвастался он.

Корсаков подошел к открытому окну. Номер был на восемнадцатом этаже, и далеко внизу виднелся козырек гостиницы с башенками.

С верхнего этажа донесся густой баритон, скверно певший арию.

– Кажется, это Шлепков, но я не уверен, – задумчиво сказал Корсаков. – Интересно, можно ли это как-нибудь проверить?

– Проверить? Запросто! – Никита высунулся из окна и прорычал: – Эй, ты, Шлепков, заглохни! Поднимись – шею сверну!

Окно наверху сразу захлопнулось.

– Действительно Шлепков! И как ты их отличаешь? – согласился Бурьин, с уважением поглядывая на бывшего однокурсника.

Приятель спустился в кафе, где Бурьин сразу же довел до состояния легкого обморока старенькую официантку.

– У вас мясо есть? – прогрохотал он. – Еще не готово? Тогда давайте двадцать сосисок и пива бутылки четыре.

– Сколько сосисок? – переспросила официантка. – Двадцать?

– Двадцать – двадцать пять. Во всяком случае, не больше тридцати.

– А хлеба?

– А хлеба не надо! Мы люди бедные, – замотал головой Никита.

– А вам? Тоже, что ль, сосиски? – безнадежно поинтересовалась официантка у Корсакова.

Но Алексей от сосисок отказался и попросил себе кофе и омлет.

– Сосиски – это белки, а пиво – это углеводы! – объяснил с набитым ртом Бурьин, заглатывая восемнадцатую сосиску с четвертой бутылкой пива. – Хочешь углеводов?

– Ты не забыл, что мы идем в музей? – спросил Корсаков.

По тому, что Никита на мгновение перестал жевать, Корсаков понял, что тот слегка призадумался.

– В какой музей? – спросил Бурьин.

Корсаков достал сложенный лист и положил его на стол.

«Слезамы ночь не омрачи, о плакальщик! Ты смерть познал, в тебе сокрыта тайна. Унав с небес, в земле зарыт сундук. Ищи, найдешь, быть может, но осторожен будь. Песок уж сыплется.

Прощай, о плакальщик, ты стой на страже тайны!»

– Ну как? Что ты обо всем этом думаешь? – поинтересовался он. – Тебе ничего не приходит в голову?

– Почему не приходит? Ты хочешь испортить мне аппетит, но у тебя ничего не выйдет, – радостно догадался Бурьин и хищно проколол вилкой предпоследнюю сосиску.

– Ты же читал Федин дневник. «Плакальщик»... Какие представления у тебя связаны с этим словом?

– Ну, э-э... Чего-то занудное, печальное, идет за гробом и выдает себя за лучшего друга покойного, а потом напивается на поминках и падает под стол...

– Не угадал... – А теперь послушай меня, – сказал Корсаков. – Когда я, будучи студентом, жил в общежитии на Воробьевых, встречаться с девушками было негде. В общежитие девушку не приведешь, в комнате со мной жил занудный осел, который торчал там все время, а осенью или зимой по улице особенно не походишь.

– Короче, ты встречался в подъездах?

– Зачем в подъездах? Для этого существуют музеи. Особенно мне нравился Музей изобразительных искусств имени Пушкина на «Кропоткинской». Очень удобно для свиданий. К тому же в музеях есть гардеробы, скамейки, туалеты и так далее...

– Что, прямо в музей? – заинтересовался Бурьин.

– Ты идиот, – сказал Корсаков. – Твои мозги ниже пояса!

– Ничего подобного! Их у меня вообще нет, – ухмыльнулся бывший бородач. – Короче, ты решил тряхнуть стариной? Надеешься, брошенные тобой девушки до сих пор толпятся за гробницей императора или с горя устроились в греческий зал смотрительницами мокрой тряпкой вытирать Аполлону фиговый листик?

Никита подозвал официантку и расплатился. Они вошли в лифт и нажали кнопку первого этажа.

– Ну так что ты там говорил про музей?

– В средневековом зале, ну, знаешь, где Давид и полководец на коне, есть странная статуя. Монах в черном плаще, лицо скрывает капюшон. Фигура в натуральный рост, стоит в нише. И называется «Плакальщик».

– Действительно странно, – хмыкнул Бурьин. – Что ж, пошли в музей... Впадем в детство.

Они вышли на улицу. На лобовом стекле бурьинской «БМВ», стоявшей на газоне у гостиницы, под дворниками торчала штрафная квитанция за нарушение парковки, а на одном из колес была колодка.

После того как Никита несколько раз пнул колодку и в грубых выражениях подверг резкой критике того, кто ее нацепил, Корсаков уговорил его воспользоваться метро.

– Ну и ладно. Все равно у меня бензин почти что кончился, – сказал Никита.

В метро, когда поезд уже тронулся, направляясь к «Кропоткинской», Корсакову показалось, что он заметил на платформе у первого вагона Лиду. Но когда на следующей станции, перескочив на встречный поезд, двумя минутами позже они вернулись, девушки уже не было.

Купив в кассе музея билеты – при этом Бурьин пытался выдать себя за студента, чтобы получить скидку, а когда у него потребовали студенческий билет, сказал, что он утонул вместе с «Титаником», – одним словом, после того как вся эта кутерьма с визгом и угрозой вызвать милицию закончилась, они поднялись на несколько ступенек и свернули в первый же зал направо, где у лестницы стояла огромная гипсовая копия Давида.

– Если Давид такой огромный, то неудивительно, что Голиаф не поместился в музее, – сказал Корсаков, но Бурьин даже не улыбнулся. У него была приятная привычка смеяться только над собственными шутками.

Плакальщик, как и десять лет назад, притаился в проходе слева от конной статуи. Капюшон скрывал лицо, и виден был только острый маленький подбородок. Ладони прятались в длинных складчатых рукавах черного плаща. Великану Бурьину плакальщик был примерно по грудь. Присев, он заглянул в черную пустоту капюшона.

– Серьезный парень, – хмыкнул Никита. – Не то чтобы очень мощный, но если приснится...

Времени прошло немало, и Корсаков уже успел забыть скорбную фигуру. Расстались, а теперь опять встретились, как будто все эти годы Плакальщик спокойно стоял в пыльной музейной нише, поджидая его и зная, что он вернется.

– Думаешь, именно об этой штуке писал Федька? – Бурьин наклонился к статуе.

– Не знаю. Наверное, где-нибудь на старых кладбищах есть еще фигурки плакальщиков, рыдающих ангелов и тому подобное, но Федор писал в дневнике именно о музее.

– Какую тайну ты скрываешь, а, дед? Давай колись! Что за сундук, упавший с неба, и куда ты его засунул? – Бурьин хотел слегка сдвинуть плакальщика, но это заметила смотрительница.

– Не трогайте экспонат руками, молодые люди! Что за моду взяли! – крикнула старушка, вскакивая со своего стула в углу зала и подбегая к ним. – Раньше стоял себе и стоял, а последнее время все трогают и трогают, благо б девушка была... И кому нужен?

После последних слов смотрительницы Корсаков неожиданно почувствовал волнение, как в игре «холодно-горячо», когда вдруг говорят: «Очень тепло».

– А кто еще ее сдвигал? – быстро спросил Алексей.

– А я знаю кто? Три дня все кругами ходил. «Я, говорит, историк». Я ему: хоть бы и академик, идите к главному хранителю, просите разрешения. Без него тут ничего трогать нельзя.

Корсаков и Бурьин переглянулись.

– Скажите, а очки у него были? С толстыми стеклами? – опять спросил Корсаков.

Федя страдал близорукостью и часто шутил, что при зрении в минус одиннадцать он и сны видит в очках.

– Очки-то? – Смотрительница с подозрением уставилась на него. – Были очки! Толстые такие, совсем, видать, зрение никуда. Так это он вас послал статую двигать?

– Мы ученые из Академии наук, – быстро нашелся Корсаков.

– Ученые? – Старушка окинула его оценивающим взглядом. – Ты-то, может, и ученый, а этот, – она ткнула пальцем в Бурьина, – никогда ученым не был. Его-то небось и из школы выгнали.

– Это я-то не ученый? Я, может, аспирант... – радостно возмутился Никита.

– Иди-иди, балбес, – махнула на него рукой старушка. – Знаем мы таких аспирантов.

И она решительно загородила экспонат.

– Трогать не дам, идите к хранительнице. Пускай она разрешает.

Поняв, что спорить с ней бесполезно, Корсаков и Бурьин ретировались на второй этаж и там, на мягкой банкетке напротив картины Моне, устроили совещание.

– Не поверила, что я ученый! «Знаем мы таких аспирантов!»! – передразнил Бурьин. – А ведь у меня красный диплом, – выдохнул он сквозь смех. Но, отсмеявшись, Бурьин, как

всегда, без всякого перехода стал серьезным: – А ты оказался прав. Кажется, Федька был здесь незадолго до гибели.

– Интересно, удалось ему найти что-нибудь? Надо бы и нам тоже осмотреть эту статую.

Бурьин покосился на обнаженных таитянок Гогена и почесал гладко выбритый подбородок.

– Думаешь, зайти к хранительнице? – спросил он.

– Это было бы глупо, даже если бы нам и удалось заморочить ей голову. Ведь найди мы в Плакальщике тайник, это сразу стало бы известно всему музею.

– Это точно, – согласился Никита. – И что ты предлагаешь?

– Выход один, причем довольно уголовный, – сказал Корсаков. – Придется остаться в музее после закрытия, спрятаться, а ночью взять фонарик и поближе познакомиться с тайнами Плакальщика. Если все пройдет нормально, утром мы уйдем с первыми посетителями, и никто не будет знать о нашем ночном предприятии. Ничего не тронуть, ничего не пропасть.

Бурьин присвистнул.

– А где мы спрячемся? – спросил он.

– Надо поискать. К примеру, в греческом дворике за каким-нибудь барельефом или статуей. Там полно всяких закутков, едва ли каждый вечер их внимательно осматривают.

Никита на минуту задумался, а потом хлопнул Корсакова по плечу:

– Ну ты, Лешка, прям голова! А я-то думал, так себе – кандидатишка!

Корсаков поймал себя на мысли, что ему ужасно хочется врезать Бурьину по носу.

Глава IX

Приключения Грзенка в Москве

Бедная маленькая мушка запросто может потеряться в таком огромном городе, как Москва. Именно об этом размышлял Грзенк, меланхолично собирая хоботком капельки чая в подсобной комнате музея Лермонтова. Параллельно Грзенк пытался связаться с кнорсом. Но кнорс не отвечал. Возможно, многочисленные бетонные громады зданий экранировали его сигнал.

«Вот бестолковое животное! Надеюсь, хоть моя девочка будет с ним в безопасности!» – подумал Грзенк.

Внезапно, почти оглушив его, на стол рядом обрушилось что-то огромное и шумное. Газета! Грзенк взвился и перелетел на люстру. Перевернутым зрением он увидел женщину в красной кофте, которая разглядывала столешницу в надежде увидеть его расплющенный трупик.

Обнаружив, что Грзенку удалось спастись, женщина испытала всплеск глубочайшего разочарования. Охваченная охотничьим азартом, продолжая сжимать в руке газету, она оглядела помещение в поисках ускользнувшей мухи. Как Грзенк ни старался, он не обнаружил в ее сознании ни тени сострадания. Видимо, совершить убийство представителя древней и мудрой инопланетной цивилизации ей ровным счетом ничего не стоило. Грзенку стало страшно, и он торопливо переполз на обратную сторону абажура.

«Какая опасная и агрессивная планета!» – сделал вывод Грзенк.

На всякий случай он сотворил несколько десятков собственных фантомов, и около сотни большущих мух, неизвестно откуда взявшихся, размером от осы до голубя, производя гул бомбардировщиков, закружились над головой женщины. Красная кофта дико завизжала и выбежала в коридор, захлопнув дверь.

Пришелец уничтожил фантомов и, пару раз по хорошей мушиной традиции поприветствовав головой стекло, вылетел в форточку. На одном из балконов рядом с трехколесным детским велосипедом и пластмассовым дачным ведром Грзенк нашел себе безопасное убежище, где не было ни воробьев, ни агрессивных женщин-землянок с газетами. Наконец-то он смог расслабиться. Он связался со звездолетом и, запросив каталог, стал подыскивать себе новую форму.

От кибермозга он узнал, что Лирда несколько раз пыталась выйти с ним на связь. «Ага, все-таки я ей нужен! Не может без меня!» – довольно подумал Грзенк.

Он велел автопилоту, если Лирда снова попытается с ним связаться, сообщать, что он впал в спячку. Грзенк надеялся, что, оставшись без его мудрых отеческих советов, Лирда испугается и вернется на звездолет.

Он закончил просматривать каталог и заколебался в выборе формы между вороной и орланом-белохвостом. Ворона, конечно, более привычная форма для этих мест, зато побыть хотя бы недолго орланом-белохвостом было давней, юношеской еще мечтой Грзенка.

Неожиданно пришелец почувствовал, что на балконе он не один.

Осторожно выглянув из-за колеса велосипеда, он увидел большую лохматую дворнягу, которая, повиливая хвостом, спокойно шла к нему по воздуху. То, что под ней было четырнадцать этажей пустоты, ничуть ее не беспокоило.

– Бнург, ты что, спятил? Ты нарушаешь закон формы! Собачья форма не приспособлена для полета! – зажужжал Грзенк, перелетая на перила.

– Плевал я на закон формы! Не забывай, что я уже покойник. Когда же развлекаться, как не после смерти? – Бнург неуклюже спрыгнул на балкон и, опрокинув ведро, ушиб лапу. – Я хотел предостеречь тебя. Великое Нечто стало еще ближе. Скоро их дороги могут пересечься.

– Насколько это опасно для Лирды? – забеспокоился Грзенк. О себе он не думал.

– Этого никто не знает. Может, она погибнет, а может, станет бессмертной. Никто не знает, чего следует ожидать от Великого Нечто. – Бнург разлегся на балконе.

Грзенка пугало его спокойствие. «Кажется, старик потихоньку выживает из ума», – решил он и громко заявил:

– Я верну Лирду на звездолет!

– Ни в коем случае! Хочешь лишить дочь бессмертия?

– Или убить ее!

– Ты всегда был пессимистом. Возможно, Великое Нечто совсем не так опасно.

– Но мы ничего о нем не знаем...

– Мы и о себе далеко не все знаем, – философски заметил Бнург.

Грзенк увидел на его морде глубокую рану – очевидно, след от укуса.

– Что у тебя с носом? – спросил он.

– С носом? – переспросил Бнург. – Ах, это! Собачья свадьба!

Неожиданно прадедушка напрягся и зарычал.

– В чем дело? – заволновался Грзенк. – Что-нибудь с Лирдой?

– Нет, кошка! Вот зараза! – Бнург поставил передние лапы на перила и залаял на соседний балкон.

– Может, тебе лучше сменить форму? – осторожно посоветовал Грзенк. – Ты же летаешь: долго находиться в полной форме опасно, наступает привыкание.

– Если собака хочет летать – она будет летать! Ну пока, внучок! Пойду полаю на слонов! – Бнург оттолкнулся от пола и направился по воздуху в сторону зоопарка.

Как только прадедушка исчез, Грзенк, передумав выдерживать характер, попытался срочно через каналы звездолета связаться с Лирдой и предупредить ее, но со связью определено что-то творилось. Очевидно, близость Великого Нечто давала о себе знать.

Тогда, не теряя больше времени на пустые занятия, Грзенк решился и принял форму орлана-белохвоста. Огромная птица тяжело сорвалась с балкона и взмыла в небо на такую высоту, что Москва стала похожа на увеличенный снимок из космоса.

Грзенк парил над городом в теплых воздушных течениях, широко разбросав могучие крылья. Форма белохвоста наиболее располагала к мыслям об истинной полноте бытия: ни тебе мелкой мышины возни, ни тараканьих гонок, а одно только возвышенное парение. Грзенк даже проникся некоторой симпатией к планете, способной породить такую замечательную и удобную форму.

Ему нравилось быть орланом-белохвостом, но он получил бы от этого намного больше удовольствия, если бы знал, что с Лирдой все в порядке. Теперь же Грзенк напряженно вглядывался в изгибы улиц и черточки переулков, стараясь отыскать Лирду или хотя бы маленькое темное облачко.

Порой Грзенку казалось, что он нашел их, и тогда, сложив крылья, он камнем устремлялся вниз, но всякий раз обнаруживалось, что он ошибся. Тогда, сопровождаемая удивленными криками прохожих и паническим карканьем ворон, огромная птица с загнутыми когтями и крючковатым носом вновь взмывала ввысь.

Быстро смеркалось. Небо густело, видимость ухудшалась. Грзенк переключился на инфракрасное зрение, но и это не помогло.

«Ну вот, – горестно подумал он, – все скверное, что могло случиться, уже случилось. Дочь неизвестно где, сумасшедший прадедушка отправился в зоопарк лаять на слонов, кнорс, того и гляди, будет поджаривать прохожих, а тут еще Великое Нечто».

Сообразив, что в темноте ему едва ли повезет, Грзенк стал снижаться, прикидывая, где бы найти место для ночлега. Чувствуя повышенный интерес аборигенов к своей новой форме, Грзенк решил не дразнить их и выбрать пристанище достаточно тихое, но в то же время не слишком удаленное от центра, чтобы с рассветом продолжить поиски дочери. И довольно скоро он нашел его. И этим местом оказался Тимирязевский лесопарк...

Когда Лирда вышла из казино, стояла уже глубокая ночь. В волнах Москвы-реки осколками отражалась полная луна. Над водой у противоположного берега висела легкая белая дымка.

Девушка не ощущала усталости, напротив, давно уже ей не было так хорошо, хотелось шалить и вытворять глупости. Русский напиток, хотя и не сразу, оказал-таки на нее одурманивающее действие.

Она скинула туфли и, взяв их в руки, босиком пошла по каменному парапету. В этот час набережная была безлюдна, только изредка по дороге проносились машины да навстречу ей протрусил припозднившийся бегун с плеером. Бегун не обратил на Лирду никакого внимания, его даже почему-то не удивило, что хорошо одетая девушка в полном одиночестве идет по парапету, рискуя свалиться в реку. Очевидно, ночной спортсмен сам был чудачком и вполне допускал у других любые проявления странностей.

Лирда попыталась просканировать его мысли, но обладатель плеера ни о чем не думал, он просто бежал и, кажется, получал от этого удовольствие.

Проводив его взглядом, инопланетянка остановилась и, присев на парапет, стала смотреть на реку. На волнах белым пятном покачивалась спящая чайка. Лирде хотелось посмотреть, как чайка летает, и она запустила в нее туфлей. Но чайка не взлетала, оказалось, девушка приняла за чайку большой кусок пенопласта. Сообразив, что по собственной глупости осталась без обуви и ходить в одной туфле теперь не сможет, Лирда забросила в реку и другую туфлю и отправилась дальше.

Идти вдоль набережной ночью было сплошное удовольствие. С реки порывами налетал прохладный влажный ветер. Шершавый асфальт с лужицами после поливальной машины приятно охлаждал ступни. Лирда сама не заметила, как отмахала несколько километров по извилистому берегу.

Неожиданно где-то у Парка культуры ей пришла мысль искупаться. Выложенные плитами берега Москвы-реки под наклоном уходили вниз. Глубины инопланетянка не знала, но решила рискнуть. Лирда сильно оттолкнулась, чтобы не упасть на камни, и прыгнула в черные волны реки, разбрызгав луну.

Упав в воду, где сразу начиналась судоходная глубина с ямами и водоворотами, девушка камнем ушла на дно. Река мгновенно сгладила всплеск. Прошло несколько томительных минут, но на поверхности никто не появился. Москва-река поглотила все.

Однако волноваться за Лирду не было никаких оснований. Родная стихия мрыгов – кислотный океан, только позднее, в процессе адаптации и освоения космического пространства, они научились жить на суше. Но сейчас при первой возможности мрыги возвращались в жидкую среду.

Конечно, Москва-река мало была похожа на океан ее родной планеты, но речная вода, даже очень загрязненная, едва ли могла повредить инопланетянке, привыкшей к куда более сильнодействующей среде.

Лирда опустилась на дно. Зрение ее, привыкшее к черноте азотных глубин, отчетливо различало густую взвесь ила и тонкие коричневые нити водорослей. Сильно загребая руками, девушка поплыла сквозь илистую муть на трех-четыреметровую глубину.

Где-то на середине реки вода стала более мутной. Течение в этом месте закручивалось, образуя водоворот. Заинтересовавшись, Лирда подплыла к водовороту и позволила течению

затянуть себя на дно омута. Здесь было уже совершенно темно, и Лирда могла догадаться о том, что ее окружало, только на ощупь. Неожиданно что-то ударило ее в плечо, заставив отлететь, а затем девушка почувствовала, что на нее навалилась какая-то тяжесть.

Если бы в воде можно было визжать, Лирда завизжала бы. Она испытала сильнейший ужас, барахталась, била руками, стараясь вырваться, но неизвестный агрессор, вдавливавший ее в дно, не отпускал, наваливаясь все сильнее и сильнее. «Неужели майстрюк? Тогда конец!» – мелькнула у Лирды мысль. Но в этот момент она нащупала большое скользкое бревно, а рядом еще несколько. Оказалось, что все это время она сражалась с лежавшими на дне омута гнилыми бревнами.

Лирда освободилась и быстро всплыла на поверхность.

Желание исследовать дно реки у нее почему-то пропало. Увидев, что она вынырнула, черное облачко, висевшее над набережной в том месте, где она прыгнула в воду, торопливо подлетело к ней.

«Странно, – подумала Лирда, – почему кнорс не защитил, ведь разнести эти бревна ему ничего не стоило?»

И едва она задала себе этот вопрос, как ответ пришел сам собой. *Кнорс не видел ее под водой!* Космический хищник, состоявший из мыслящего газа, не способен проникнуть под толщу воды, не утратив при этом своей молекулярной целостности! Стоило ей нырнуть, как кнорс переставал ее видеть и зависал над тем местом, где она была только что.

Неужели она нашла способ избавиться от чудовища? Лирда сама не верила в свою удачу. Так гениально просто! То-то папочка Грзенк, без ее разрешения приставивший к ней этого мрачного соглядата, обозлится, когда ей удастся сбежать от кнорса, а заодно и от его назойливой опеки.

На всякий случай Лирда еще раз проверила свое предположение.

Она нырнула и, проведя некоторое время под водой, появилась на поверхности у противоположного берега. Кнорс продолжал стелиться дымкой над серединой реки. Прошло несколько секунд, прежде чем он заметил Лирду и устремился к ней. В его пустых глазницах просвечивали блики луны.

Лирда не стала ждать, пока он приблизится. Она нырнула, погрузилась на глубину около двух метров, приняла свою природную спрутообразную форму и, выбрасывая реактивную струю, быстро поплыла против течения со скоростью хорошего моторного катера. В дыхании Лирда не нуждалась, да и вообще как организм была вполне автономна. Необходимый для нормальной жизнедеятельности мрыгов сернистый водород образовывался в их желудках на уровне обмена веществ.

Лирда провела под водой около получаса. Теперь она была уверена, что отплыла достаточно далеко и кнорс не сможет ее засечь. Только тогда она решилась вынырнуть и подплыть к берегу.

Девушка обнаружила, что находится на Воробьевых горах, сразу за метромостом, под смотровой площадкой и трамплином для прыжков на лыжах. Берег в этом месте был низким, и Лирде ничего не стоило выбраться из воды. Черного облачка нигде не было видно. «То-то папочка Грзенк теперь злится, – подумала она, – будет знать, как направлять своими заботливыми щупальцами жизнь взрослой дочери!»

Лирда снова приняла форму жительницы Земли, придирчиво оглядела себя и с досадой обнаружила, что шелкового костюма она все-таки лишилась, когда торпедой мчалась против течения.

Что за беда у нее с этой одеждой! В раздражении девушка топнула хорошенькой босой ножкой по асфальту набережной, накололась на камень и ойкнула, потирая ступню. Но еще раньше, чем боль прошла, Лирда внезапно замерла, удивленная своей чисто человеческой реакцией.

Она и не думала топтать ногой, а потом ойкать и потирать ступню – все случилось само собой. Неужели она настолько слилась со своей новой формой, что форма уже начинает мыслить за нее?

Привыкание к постоянной форме особенно опасно. От этого предостерегали три главных закона мрыгов:

1. *Не привыкать к одной форме.*
2. *Избегать запретных чувств.*
3. *Остерегаться Великого Нечто – и всегда искать его.*

Последний, третий принцип – и мрыги это понимали – звучал противоречиво, но именно таким он дошел к ним от працивилизации.

Существовали сотни и тысячи повествований третьего принципа, но все они были лишь гипотезами. Одни считали Великое Нечто легендой, другие видели в нем абстракцию вроде абсолютной идеи или философского камня; третьи – апокалиптики – боялись его, веря, что Нечто несет их цивилизации смерть и гибель; четвертые, напротив, утверждали, что с ним связаны необыкновенные надежды и смысл существования их цивилизации.

С запретными чувствами, как и с Великим Нечто, многое было неясно. Являются ли запретными все чувства или только какие-то определенные? На эту тему тоже велись бесконечные споры.

Кто-то считал, что запретным чувством является трусость. Другие утверждали, что мудрецы предостерегали от агрессии. «Агрессия – это тот пар, – говорили они, – от которого взрываются планеты, происходят войны и самоуничтожаются цивилизации». А были и такие, которые заявляли, что все чувства хороши в меру, и не стоит доводить ни одно из них до крайности.

Но думать обо всем сейчас, стоя раздетой на пустынном берегу Москвы-реки, было не время. Лирда пригладила мокрые волосы и стряхнула рукой капли с плеч и живота.

Наверх по склону холма, поросшего лесом, вела асфальтовая дорожка. И Лирда стала подниматься на холм. У фонарей бились мотыльки, в высокой траве стрекотали кузнечики, а в ветвях над головой девушки тревожно завозилась разбуженная птица. Дойдя до поворота, Лирда оглянулась на реку.

Горизонт едва заметно начинал сереть, а луна потускнела и затянулась предрассветными тучами. Девушка поняла, что ей нужно торопиться. Она прибавила темп и, следуя по извилистой асфальтовой дорожке, вскоре вышла к высокому монументу на бетонном основании¹.

Услышав голоса и звуки музыки, Лирда насторожилась и, пригнувшись, быстро спряталась за сосну. На асфальтированной площадке перед монументом стояла большая белая машина с потушенными фарами. К «дворнику» машины был привязан шарик в форме сердечка.

Бесшумно Лирда подкралась ближе. Передняя дверца была открыта. Играла музыка, а с заднего сиденья доносились смех и возня. На руле повисло брошенное платье, а на капоте машины стояли туфельки на каблучках.

«Ага! Вот и одежда!» – подумала Лирда.

Встав на карачки, она подползла со стороны открытой дверцы, осторожно стянула с руля платье и схватила туфельки. Сразу после этого она нырнула за монумент и прямо по склону, не разбирая дороги, бросилась наверх. Под ногами у нее хрустнула ветка. Лирда остановилась и тревожно прислушалась, но, кажется, все было тихо.

За ней никто не гнался.

Лирда поднялась на смотровую площадку и быстро оделась. Туфельки были новые и жали, так что ступни пришлось чуть-чуть уменьшить. Зато платье – в самый раз.

¹ Именно здесь, на Воробьевых горах, в 1826 году, забравшись в ужасную по тем временам глушь, юные Герцен и Огарев произнесли свою известную клятву. – *Прим. автора.*

Платье было белое, воздушное, с кружевами и фатой. Лирде оно по непонятной причине сразу понравилось. Пытаясь доискаться до корней этой неожиданной симпатии, она обратилась к банку данных по планете Земля и обнаружила, что такой фасон обычно используется землянами как часть ритуала вступления в брак и символизирует невинность. Неудивительно, что теперешняя форма Лирды, форма молоденькой девушки, так живо откликнулась на свадебное платье.

«Наверное, интерес к замужеству типологически свойствен форме самки, – догадалась инопланетянка. – Странно только, что для первой брачной ночи эта пара выбрала памятник. Хотя если вдуматься в психологию, то все станет ясным. Первая ночь должна быть памятной, а что может быть памятнее памятника?»

Она передала эту догадку о брачных ритуалах аборигенов на звездолет для последующей систематизации и направилась по Воробьевым горам в сторону главного здания университета. Начинал капать дождь, и, как водится, по улицам приготовились разъезжать поливальные машины.

Глава X

Ночь в музее

До закрытия музея оставалось около четырех часов. Это время Корсаков и Бурьин решили потратить на то, чтобы обойти все залы и закутки, изучив их расположение. Ведь в следующий раз они окажутся здесь ночью.

Корсаков уже пожалел, что впутал в это дело Никиту. Великан ходил по музею с мрачным видом, насупившись, сложив на груди руки, совершенно, даже для отвода глаз, не обращая внимания на картины, зато, увидев какой-нибудь малозначительный предмет для служебного пользования – огнетушитель, пустое ведро или внутренний телефон, как коршун кидался к нему и начинал назойливо рассматривать. Он явно наслаждался новой для него ролью взломщика, даже достал из кармана кожаной куртки темные очки и надел их, довольный своей маскировкой. Алексей подумал, что более кинематографического жулика трудно себе представить.

Впрочем, случайно увидев свое отражение в стеклянной раме одной из картин, Корсаков и сам нашел, что выглядит неестественно и напряженно. Он заставил себя улыбнуться, но от этого стало еще хуже.

– Смотри, пособие для начинающего взломщика! Они все делают, чтобы облегчить нам работу – радостно крикнул Бурьин.

Он подбежал к стене и уставился на план эвакуации при пожаре с подробной схемой всех залов, запасных выходов и служебных помещений на этаже.

– Перерисуем? – предложил Никита и стал шарить по карманам в поисках ручки. – Вот досада, писать нечем... Девушка, можно вас на минуточку? У вас ручки нет? А бумаги? Тоже нет? А что вы тогда в музее делаете? Эй, куда вы уходите? Я же с вами не знакомлюсь!

– Зачем тебе срисовывать план второго этажа, когда наш зал на первом? – Корсаков оттащил дружка от схемы за рукав. – Все, что нам нужно, это найти тихое местечко, спрятаться туда незадолго до закрытия и, не высываясь, просидеть несколько часов. Потом вылезти, осмотреть статую – сигнализации на ней нет, это же копия, едва ли очень дорогая, – после чего снова спрятаться и подождать открытия музея. Далее смешаться с посетителями, и все. Никакого взлома не будет, и при хорошем раскладе все пройдет без осложнений.

Бурьин посмотрел на него так, будто он сморозил совершенную глупость.

– Сразу видно, ты дилетант, а для дилетанта все просто. Ты хотя бы детективы когда-нибудь читал?

– Агату Кристи?

– Кристи? – фыркнул Бурьин. – Можно подумать, эта старушонка разбиралась в ограблении русских музеев! Нет, ты почитай какие-нибудь детективы из русской жизни. Например, «Мент-удавленник», «Нож в спину», «Гроб для агента», «Образ с глушителем»... Узнаешь массу нового о работе наших правоохранительных органов и спецслужб. Например, как насчет принципа избыточной информации?

– Первый раз слышу, – сказал Корсаков.

– То-то и оно. Собираешься влезть ночью в музей, а не знаешь элементарных вещей! Таких лохов, как ты, убивают в первом же деле. Ладно, так и быть, объясню. Например, ты хочешь грабануть банк...

– Я не хочу.

– Я сказал, например, – отмахнулся Никита и перешел на театральный шепот, слышный, как казалось Корсакову, во всех уголках зала. – Значит, так, ты хочешь грабануть банк, но одного желания мало. Вначале нужно собрать всю, какую возможно, информацию об этом

банке. Часы работы, систему охраны, имена сотрудников, графики дежурств. Короче, все, вплоть до того, есть ли у директора банка дети и в какую школу они ходят.

– А про детей зачем?

– На всякий случай, для избыточной информации, – объяснил Никита. – Нужно знать в сто, в тысячу раз больше, чем может понадобиться! Тогда банк твой. Тащи оттуда деньги, сейфы, даже диван, на котором дрыхнет охранник, – и все пройдет великолепно.

– И где ты возьмешь эту избыточную информацию в нашем случае? – нетерпеливо спросил Корсаков.

– Это будет непросто, – самоотверженно вздохнул Бурьин. – Избыточная информация собирается годами. Нужно пролистать сотни книг, побеседовать с тысячами людей, съездить в архитектурный комитет, изучить схемы коммуникаций, возможно, даже жениться на какой-нибудь из сотрудниц...

– Жениться?

– А ты как думал? Дело требует жертв. Жениться, для маскировки произвести на свет несколько штук детей... но это мы предоставим тебе.

Они прошли всех импрессионистов и углубились в череду античных залов. Хотя на улице стояла жара, здесь было прохладно и влажно, пахло то ли старым гипсом, то ли сыростью.

Посетителей у скульптур, как всегда, было мало. Только около копыеносца сидели две молоденькие художницы с альбомами, всецело поглощенные рисованием, а в другом конце зала прыщавый подросток любознательно разглядывал пышный торс Афродиты. Видя, что время идет, а подросток не уходит и торчит у статуи как приклеенный, Бурьин подошел к нему и тоже уставился на Афродиту.

– Молодой человек, я вижу, вы большой ценитель женской красоты. И что же вам нравится в женщинах больше: душа или тело?

Мальчик оглянулся, хихикнул и убежал.

– Зачем ты его спугнул? Когда ты наконец станешь серьезнее? – спросил Корсаков.

– Ты говоришь, как моя мамочка, – расхохотался Бурьин. – Могу я получить удовольствие от кражи века? Ну ладно, шутки в сторону. Давай искать тихое местечко, где нам предстоит свить свое бандитское гнездышко.

Как они и думали, тщательнее всего охранялись входы и выходы из музея, служебные помещения, подвал и чердаки. Но если за сохранностью картин, стоявших баснословных денег, следили, то к мраморным и бронзовым статуям, по большей частью являвшимся копиями, не было подведено даже самой элементарной сигнализации. И это понятно. Едва ли кто-нибудь, даже при наличии сильного желания, смог бы незаметно пронести статую, весящую за сто килограммов, через центральный вход.

– Кому нужны эти глыбы? – фыркнул Никита, убедившись, что смотрительницы поблизости нет. – Куда проще стащить гипсового пионера с допотопного московского фонтана.

Неожиданно Алексей замер. На постаменте, за колоннами, стояла огромная гипсовая гробница римского императора. Ее лепные барельефы изображали путешествие душ усопших через реку.

Зал оказался совсем маленьким. В нем ничего не было, кроме этой печальной гробницы и нескольких миниатюрных сфинксов.

Бурьин постучал по гробнице кулаком, проверяя, насколько она прочная, а затем поднялся на цыпочки и отодвинул тяжелую крышку. На дне, где, по идее, должен был обрести свое последнее пристанище император, валялось только несколько конфетных фантиков.

– Ну как, есть там мумия? – спросил Корсаков, наблюдая, как Никита пытается перелезть через гипсовую стену монумента.

– Пока нет, но скоро будет! – Бурьин исчез в гробнице. Оттуда донеслось его озабоченное пыхтение, будто большая ворона топталась в гнезде.

Примерно через минуту он гулко крикнул из усыпальницы:

– Эй, Лешка, ты еще здесь? Ты еще меня не совсем похоронил?

Корсаков поднялся на пьедестал и заглянул внутрь. Никита, поджав под себя ноги, сидел в одном из углов гробницы, а в другом углу было еще много места.

– Решил насовсем тут поселиться? – поинтересовался Корсаков. – Вылезай! До закрытия музея еще куча времени. Пойдем перекусим и купим фонарь.

– Постой! Еще рано! – заупрямился Никита, которому, судя по всему, чем дальше, тем больше нравилась гробница. – Задвинь меня крышкой, я хочу проверить, чем здесь дышат.

– Вылезай, потом проверишь!

Никита махнул ему рукой:

– Исчезни! Задвинешь меня или нет, лучше я сам задвинусь.

Он взялся за край гипсовой крышки гробницы и потянул ее на себя. С легким стуком крышка встала на место.

Неожиданно Корсаков услышал приближающиеся голоса. Он поспешно спрыгнул с постамента и сделал вид, что любителю лепными украшениями потолка.

– А теперь прошу пройти в этот зал... Мы находимся в зале римской истории...

Из-за колонн показалась группа школьников. Дети окружили гробницу и уставились на барельеф с рекой Лета. Алексей понадеялся, что Никита услышит голоса и все поймет, если, конечно, гипсовые стенки не скрадывают звуков.

– Из какой вы школы? – спросил он так громко, как будто с детства был глуховат да к тому же разговаривал с кем-то, стоявшим на балконе шестнадцатого этажа.

– Из Сократовской гимназии для вундеркиндов! – гордо сказала пожилая учительница и вдруг, озабоченно оглянувшись, закричала: – Ваня Медведев! Где Ваня Медведев? Опять потерялся?

– Вот он, Анна Васильевна! – затараторили юные вундеркинды. – Ваня, иди сюда!

В зал вбежал прыщавый подросток, тот самый, что разглядывал статую Афродиты. Он покосился на Корсакова, шмыгнул носом и встал рядом с учительницей.

Экскурсовод раздвинул гимназистов и протиснулся к гробнице.

– Тише, дети! Перед нами усыпальница римских императоров середины первого тысячелетия до нашей эры. Обратите внимание на ее размеры. Они должны были подчеркнуть значимость императорской власти и близости императоров к пантеону богов. Существует легенда, что лунными ночами дух императора выходит из усыпальницы и бродит, скорбя об утраченном величии Рима...

Вундеркинды затаили дыхание, с любопытством глядя на гробницу.

– А теперь обратите внимание на барельефы...

Корсаков отошел в угол зала и присел на холодную скамью.

Все-таки, размышлял он, греческая и римская культуры были в чем-то более светлыми, чем культура Средневековья. Даже античные гробницы отличаются от средневековых, настолько в них меньше страха и пугливой подавленности. И едва он об этом подумал, как тотчас в памяти возникла темная застывшая фигура с острым костяным подбородком.

Исчерпав все сведения о римской усыпальнице, экскурсовод увел юных гениев из зала. Гении уходили, полные рвения набивать свои свежие головы знаниями. У гробницы остался все тот же любознательный Ваня Медведев, который опять отбил от однокашников.

Мальчик задумчиво прохаживался вокруг гробницы, проявляя к ней повышенный исследовательский интерес. В одном месте он остановился и потрогал пальцем пыльный след, оставленный на постаменте. Корсаков покосился на свои туфли и подумал, что неплохо бы вытереть подошвы.

– Тебе не пора догонять остальных? – спросил он вундеркинда, подходя к нему.

– Я хочу выяснить, есть ли там призрак. – Мальчик подпрыгнул и попытался ухватиться за край гробницы.

– Не трогай экспонаты! Откуда там быть призраку, ведь это копия!

– А вдруг это зеркальная трансформация?

– И ты не боишься? А что, если призрак тебя схватит?

– Днем? Днем призраки не выходят! – не очень уверенно сказал вундеркинд.

В этот миг крышка усыпальницы приподнялась, и за край ухватилась огромная ручища.

– Все ушли? Ну и духотища здесь! – прозвучал низкий загробный голос.

Ваня Медведев издал стонущий вздох, попятился, споткнулся о ступеньку, упал, вскочил и опрометью бросился наутек. Бурьин с хохотом выбрался из гробницы и задвинул крышку.

– Снова юный поклонник пышных форм? Ему можно только позавидовать – сегодня он узнал массу нового и о женщинах, и о потустороннем мире.

Часов около пяти вечера они вновь были в музее, причем Корсаков выглядел несколько располневшим из-за спрятанного под пиджаком пакета с инструментами. Недалеко от центрального входа Алексей заметил двух милиционеров, один из которых был даже с автоматом.

– Я отлично знаю, как работает этот народ, – усмехнулся Бурьин. – После закрытия они обойдут залы, все проверят, поставят на сигнализацию, а потом спустятся вниз, послушают радио и завалятся спать. А после будут через каждый час или два докладывать по телефону, что все в порядке, без происшествий. Ну ночью у них, может, еще будет проверка. Приедет капитан на машине, скажет пароль – «Вымпел» или «Абрикос» – потопчется и уедет. Ну это если, конечно, сигнализация не сработает...

– Откуда ты все знаешь? – удивился Корсаков.

– А что тут такого? Думал, государственная тайна? – презрительно фыркнул Никита. – Ограбить музей – все равно что отобрать у ребенка конфетку.

– Сплюнь – сглазишь!

Они прошли мимо греческого копыеносца и заглянули в маленький зал. Усыпальница римских императоров слегка отливала желтизной при тусклом свете ламп дневного освещения.

Корсаков обошел гробницу и, отодвинув крышку, опустил в нее пакет. Ломик глухо стукнул о гипсовое дно. Алексей наступил на барельеф и перебросил ногу в гробницу.

– Добро пожаловать в новый дом! – сказал он и взялся за крышку.

В соседнем зале послышались голоса:

– Девушка, музей скоро закрывается. Приходите завтра к десяти.

Алексей вцепился в крышку, чтобы она не брякнула, а Никита, оттолкнувшись от пола и перевалившись животом через край, кувыркнулся в гробницу.

– Подхватывай с той стороны! – прошипел он.

Они приподняли гипсовую крышку и бесшумно опустили ее. В гробнице стало темно. Ощупывая стенки руками, авантюристы присели на дно усыпальницы.

Через некоторое время донеслось размытое шарканье тапочек. Похоже, смотрительница даже не стала углубляться в зал, а просто заглянула в него из-за колонн и отправилась дальше.

– Ушла? – прошептал Никита.

– Кажется, да.

Сквозь узкие щелки по краям крышки пробивался свет.

– Фонарик у тебя? – услышал Алексей нетерпеливый шепот Никиты. – Включай!

При ярком свете фонаря, луч которого разбрызгивался о дно гробницы, Корсаков увидел, что Никита сидит напротив, скрестив ноги по-турецки, и обмахивается воротом куртки.

– Эта комнатка рассчитана только на одного жителя, – сказал Бурьин. – Ну жарища!

В усыпальнице становилось душно. Древние скульпторы, продумавшие мельчайшие детали внешнего оформления и вырезавшие прекрасные барельефы, явно не рассчитывали, что обитатели гробницы станут дышать.

– А не открыть ли нам форточку? – Корсаков слегка приподнял крышку гробницы, подложив под нее локоть. Он надеялся, что снаружи легкий перекося крышки не будет замечен.

Теперь в гробницу поступал хоть какой-то воздух, и стало не так душно. Зато им пришлось выключить фонарик, чтобы его свет не заметили снаружи.

Корсаков закрыл глаза и стал тщательно продумывать каждый шаг. В какой части статуи может находиться тайник? Ему захотелось еще раз перечитать ночное послание, но в гробнице для этого слишком темно.

Двигать бронзовую статую и осматривать ее придется очень осторожно, так как поблизости от зала находится круглосуточный пост охраны. Алексей вспомнил, как далеко разносятся по гулким плитам шаги, и пожалел, что они не запаслись войлочными тапочками с завязками, вроде тех, что до сих пор выдаются при входе в некоторые дома-музеи.

Снаружи послышался глубокий вздох и лязг чего-то металлического. Авантюристы напряглись, но почти сразу догадались, что в зал вошла уборщица и поставила ведро на плиты пола. Потом донесся звук выжимаемой тряпки и деревянный стук швабры.

Корсаков посмотрел на светящиеся стрелки своих часов: половина девятого. Он осторожно привстал и чуть приподнял крышку. Седенькая старушка в коричневом халате, с ножками треугольничком, повернувшись к гробнице спиной, энергично, с одышкой, вытирала тряпкой ступеньки. Через каждые две ступеньки она с трудом разгибалась, с лязгом придвигала к себе ведро и выжимала тряпку.

«У нас все делают старушки, – неожиданно подумал Корсаков. – Выносят горшки в больницах, чистят туалеты, сидят в будках в метро, обслуживают в гардеробах и так далее. Россия – империя работающих старушек».

Вымыв зал, уборщица подхватила ведро и ушла на своих стреуголивишихся ножках, а авантюристы остались в гробнице. Часа полтора все было спокойно, потом по соседнему залу бодро прокатились чьи-то гулкие шаги. Кажется, кто-то из охранников заглянул и в этот зал, но по ступенькам не спускался.

– Поставил второй зал на охрану?

– Да.

– Ключи все сдали?

– В дежурке.

– Ладно, пошли...

Вскоре свет в зале погас, музей перешел на ночное освещение, и осталась гореть только дежурная лампа над входом в зал.

– Я же говорил, они склепы не осматривают, – облегченно прошептал Корсаков.

– Это и ежу понятно. У них тут тридцать залов, куча подсобок, чердаки и подвалы. Будут они выкладываться. – Бурин, хмыкнув, на мгновение зажег фонарик.

Они просидели в гробнице еще довольно долго, давая охранникам возможность устать и улечься.

Бурин утверждал, что у каждого уважающего себя ночного сторожа должна быть как минимум раскладушка, которую по утрам он прячет куда-нибудь в дальний угол или шкаф.

Корсаков был уверен, что в эту ночь не сомкнет глаз, но потом незаметно задремал, а вскоре почувствовал, что его расталкивают.

– Уже скоро три! – услышал он голос Никиты. – Вставай! Или отоспимся здесь до утра, а потом поедем в гостиницу?

Алексей потянулся. Во рту был неприятный привкус. В горле першило от гипсовой пыли, рассеянной в воздухе.

– А ты что делал, спал? – спросил он у Бурьина.

– Нет, в носу ковырял. Ладно, полезли.

Бурьин приподнял крышку и осветил лучом фонаря постамент гробницы. Они сняли с усыпальницы крышку и, прислонив ее к стене, вылезли. Подсвечивая себе путь фонариком и стараясь высоко не поднимать луч, они крадучись поднялись по ступенькам и выглянули из-за колонн.

Вдруг Никите показалось, что рядом с колонной кто-то стоит, и он резко подался назад. Но это была всего лишь длинная тень статуи Аполлона с вытянутой над головой рукой. При свете фонаря тени статуй шевелились, сами статуи казались живыми. Проходя вдоль длинной стены, Бурьин на мгновение поднял луч, и из темноты выплыло перекошенное белое лицо галла, убивающего себя и свою жену.

Авантюристы подошли к двустворчатым дверям зала, за которыми начиналась парадная лестница. Корсаков приложился к дверям ухом и прислушался: кажется, все тихо. Тогда он натянул перчатку и осторожно надавил на ручку. Вначале ему показалось, что сработал датчик сигнализации, но потом понял, что так скрипнуло дерево.

Никита потушил фонарь. Приятели вышли на галерею. Вниз вела длинная лестница, покрытая ковром. Направо по этажу тянулся ряд запертых и опечатанных залов с картинами. У главного входа в музей на столе горела лампа, рядом с которой стоял телефон. На сдвинутых стульях у стола спал охранник.

Авантюристы переглянулись. Пожалуй, теперь им предстояло самое сложное. Для того чтобы попасть в средневековый зал, они должны были спуститься по парадной лестнице и у столика с лапой повернуть налево.

Приятели шагнули на ковер и начали медленно красться вниз, чутко ловя все звуки. Когда до входа в средневековый зал оставалось всего несколько ступенек, старшина вдруг заворочался.

Бурьин замер, приготовившись в прыжке преодолеть расстояние до охранника, прежде чем тот дотянется до автомата или телефона. Но старшина несколько раз моргнул в темноту, перевернулся на другой бок и снова захрапел.

Приятели благополучно пробрались в зал Средних веков. Ни одна из ламп не горела. В сумраке едва различимым был огромный силуэт Давида. А уж Плакальщик, скрытый в узком проходе в глубине зала, совершенно затерялся во мраке. Казалось, закутавшись в черные складки своего плаща, он терпеливо поджидал их, улыбаясь тонкими бронзовыми губами.

Включать фонарь было опасно, и авантюристы двинулись вслепую, стараясь ориентироваться по белеющей громаде Давида. Никита, шедший первым, споткнулся в темноте о стул. Каким-то чудом он успел подхватить его, прежде чем стул упал, и шепотом выругался.

Корсаков повернул чуть в сторону и шагов через десять уткнулся в стену. Еще несколько шагов в темноте, и он нашарил чье-то ледяное лицо. Плакальщик!

– Нашел? – донесся до него шипящий шепот Никиты.

– Да.

Рядом вынырнул Бурьин и ощупал складки плаща Плакальщика.

– Ты прав, это он. Включить фонарь?

– Не вздумай! Оттащим его за угол, там свет не будет виден. погоди, я отмечу, где он стоял.

Корсаков посчитал шаги от стены и еще раз от ниши. Они подхватили бронзовую статую, оказавшуюся необыкновенно тяжелой, за ноги и за голову и потащили ее по узкому проходу мимо склепа с вырезанным из дерева рыцарем. Сразу за склепом, отделенный узким коридорчиком, начинался и зал с гравюрами.

За поворотом они положили Плакальщика на пол и включили фонарь. Луч скользнул под темные складки капюшона, высветив наконец то, чего они так и не смогли увидеть днем:

маленькое, почти детское, но вместе с тем старческое лицо плакальщика. Всего только капюшон и скрытое в его складках резко очерченное лицо, но плакальщик был куда страшнее всех новоизобретенных героев ужасов с их выпущенными кишками, содранной кожей когтями, язвами и забитыми в головы гвоздями. Неизвестный скульптор, создавший Плакальщика, возможно, был сумасшедшим, но он, несомненно, что-то знал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.